

Александр Михайловский
Юлия Маркова

ГОД 1976-й НЕЗАМЕТНЫЙ РАЗВОРОТ



ПРОСТО ЛЁНЯ

В закоулках Мироздания - 18

В закоулках Мироздания

Александр Михайловский

Год 1976, Незаметный разворот

«Автор, Автор»

2024

Михайловский А. Б.

Год 1976, Незаметный разворот / А. Б. Михайловский — «Автор, Автор», 2024 — (В закоулках Мироздания)

В сорок первом году Артанскому князю Серегину удалось остановить германский молниеносный натиск на восток и перевести блицкриг в позиционную войну на рубеже старой границы. И вот в ходе рутинной вреде бы процедуры, призванной прокачать энергию Призыва через личность товарища Сталина и тем самым поднять на борьбу весь советский народ, разом отделив агнцев от козлищ, возникает непредвиденная ситуация, в ходе которой открывается незапланированный постоянный портал в середину семидесятых годов двадцатого века. Тихое и спокойное время, названное Эпохой Застоя, но в самой его сердцевине уже зреет раковая опухоль, которая всего пятнадцать лет спустя приведет к гибели Советского государства и ужасной эпохе девяностых годов. Удастся товарищу Серегину предотвратить катастрофический сценарий, или в этом случае все уже зашло настолько далеко, что спасение советского государства невозможно?

© Михайловский А. Б., 2024

© Автор, Автор, 2024

Содержание

Часть 69	5
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр Михайловский и Юлия Маркова

Год 1976. Незаметный разворот

Часть 69

**13 июля 1941 года, час пополудни, Белосток, дворец Браницких
Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский**

Сразу после церемонии инсталляции заклинания Мобилизации я собрал совещание в своей временной штаб-квартире – дворце графов Браницких, где до 22 июня располагался штаб 10-й армии. Немцы достойного применения этому дворцово-парковому ансамблю придумать так и не успели. Теперь же тут находятся моя временная штаб-квартира и военно-гражданская администрация Белостокского освобожденного района. Генерал Голубев сказал, что все тут осталось точно в таком же виде, как и в тот момент, когда его армия начала свое безнадёжное отступление на восток. Впрочем, большого значения этот факт не имеет, к тому же Бахчисарайский дворец, несмотря на свою седую древность, был уютней, а база в Тридесатом царстве – функциональнее. Для нас наличие этого дворца означает только то, что базироваться мы можем в относительно комфортных условиях, а не на лесной поляне в Супрасельской пуще.

В бывшем кабинете командарма, помимо нашей магической пятерки и товарища Сталина из этого мира, собрались и другие мои соратники: генералы Велизарий, Багратион и Карбышев, три моих юных адъютанта, подполковник Седов, капитан Коломийцев, отец Александр, Бригитта Бергман, Сосо с невестой Ольгой Александровной и, конечно же, моя супруга Елизавета Дмитриевна. Из мира четырнадцатого года тут присутствуют наследница престола Ольга Николаевна с женихом Кобой – прибыли в качестве почетных гостей приобщиться к великому таинству заклинания Мобилизации, а оказались нечаянными свидетелями самопроизвольного возникновения портала в еще один мир. Мы круты и могучи, и к этой силе теперь требуется добавить хоть немножечко ума и осторожности, а то и до беды недалеко. Не стоит забывать, что наш главный маг-исследователь, при всех своих достоинствах – это мальчик, которому еще не исполнилось четырнадцати лет.

От мира восемнадцатого года на этом совещании в качестве наблюдателя присутствует только милейшая Александра Коллонтай, проходящая у нас повышение квалификации перед назначением наркомом по делам женщин (ведь событие, которому посвящена эта встреча, случилось внезапно, а специальных постоянных представителей при нашей ставке у тамошнего товарища Сталина не имеется). На календаре в том мире – одиннадцатое февраля по григорианскому летоисчислению, и у молодой Советской власти и без нас хлопот полон рот. Наскоро затоптанные мною очаги антисоветчины еще тлеют, а кое-где из-под углей снова пробиваются язычки пламени. Антонов-Овсенко отозван в Петроград и арестован сразу после покушения на Ленина, зато Муравьев сорвался с катушек и, превратив свою армию в банду, принялся гусарствовать на юге Правобережной Украины – куда там атаману Григорьеву и Нестору Махно. Зреет нарыв и на Урале, где противостоят друг другу казачий атаман Дутов, не признающий советской власти, и троцкист-самоназначенец (ибо в Советы его никто не избирал) Самуил Цвиллинг. В Сибири пока все относительно спокойно (никаких вооруженных чехословаков этим путем никто отправлять не собирается), но в кармане у англичан уже сидит адмирал-перевертыш Колчак, а в запасе у японцев имеется омерзительный атаман Семенов. Уголья будущей гражданской войны тлеют, и уже нашлись люди, что принялись раздувать их со всем знанием дела, ибо так называемая первая русская революция тоже случилась далеко не по шучьему велению.

Но главная контрреволюционная опасность назрела совсем рядом с Петроградом. В бывшем Великом княжестве Финляндском все-таки вспыхнула гражданская война, расколов его на красную и белую части. Красные контролируют пронизанный дорогами промышленно развитый юг, белые окопались на редко населенном севере, устроив себе временную столицу в Ваасе. Туда уже прибыли шведские офицеры-добровольцы, чтобы превратить так называемые «отряды самообороны» в полноценную белофинскую армию. И командующий для этого смотра тоже уже готов. Генерал Маннергейм (тоже, кстати, швед по национальности), свежий как огурчик, прибыл в Ваасу, чтобы руководить «восстановлением законной власти».

Плюс для «красных», после подписания договора о Союзе Советских Социалистических Республик – их поддержка в Петрограде стала цельной и безоговорочной. И минус для «белых» – после подписания того же договора из комплота по их поддержке вышла Германская империя, так как кайзеру Вильгельму совершенно не с руки ссориться с Бичом Божиим. Так что так называемый батальон финских егерей отправился не в Финляндию поддерживать «белых», а, за исключением немногочисленных дезертиров, убыл на Итальянский фронт. Правильно, там этим деятелям и головы сложить, точно так же, как польскому корпусу Довбор-Мусницкого суждено пасть полностью и без остатка в боях на окровавленных полях под Ипром и Аррасом.

Остановив в сорок первом году германский «Дранг нах Остен», на следующем этапе я намеревался снова повернуться лицом к восемнадцатому году, чтобы там доделать все недоделанное, и, за исключением законченных утырков, забрать к себе из того мира всех, кто в будущем никак не сможет ужиться с советской властью. И финский вопрос при этом был для меня одним из важнейших, так как именно договором между красными властями Петрограда и Гельсингфорса устанавливались контуры будущей системы социализма, выходящей за рамки территории бывшей Российской империи. Да и вообще, негоже колыбели революции стоять прямо на границе с недружественным и воинственным лимитрофом. Ради достижения приемлемого результата я был готов как послать на дело «Каракурт» в плазменном обвесе, чтобы стереть эту Ваасу с лица земли, так и разобрать этот вопрос «руками», с последующим развешиванием всех причастных к белофинскому националистическому мятежу на фонарных столбах.

И вот, едва эти планы оказались близки к осуществлению, случился чрезвычайный прорыв в середину семидесятых годов, где для нас вроде бы нет никакой работы, потому что там отсутствуют острые переломные моменты. Брежневская «эпоха застоя» – это инерционная фаза развития «красного проекта», совмещенная с его постепенным разложением и развоплощением, дефицитом всего нужного и избытком ненужного. С одной стороны, в это время граждане Страны Советов вроде бы могли начать удовлетворять свои постоянно растущие материальные потребности, чему ощутимо мешал госмонополистический характер после- сталинской советской экономики, которой было «неинтересно» заниматься выпуском такой мелочи как товары народного потребления. С другой стороны, идеологема «мирного сосуществования двух систем» размывала стоящие перед Советским Союзом стратегические цели, а партийно-государственная машина постепенно зарастала плесенью кумовства, коррупции и казнокрадства.

Вместе с тем в действительности середины семидесятых годов для нас имелись и положительные моменты. Во-первых, не было необходимости прямо сейчас вскакивать, хватать и трясти, ведь Советскому Союзу не грозила немедленная катастрофа. Во-вторых, мир середины семидесятых годов, стоит только соответствующим образом договориться с товарищем Брежневым, вполне может стать военно-техническим донором для мира сорок первого. Тридцать лет форы в развитии – тоже весьма солидный задел, перебить который не получится ни у местной гитлеровской Германии, ни у Соединенных Штатов.

И в то же время товарищ Сталин из сорок первого года должен своими глазами увидеть брежневский «развитой социализм» и понять, нужно ли его Советскому Союзу в буду-

щем такое «счастье» с зажавшимися партийными бонзами, сытыми национальными окраинами и полуголодным существованием для большей части русского народа. Как подсказывает мне энергооболочка, по выкладкам советских же экономистов, РСФСР была главным донором социалистической системы, и заработанное на ее территории дружно проедалось как советскими окраинными этнократиями, замаскированными под «братские» республики, так и прочими «сосисками сраными» – то есть социалистическими странами. Именно тогда, на фоне разницы в уровне жизни между русскими и национальными регионами СССР, возникла легенда о том, что русские все поголовно дураки, лентяи и пьяницы, а потому не могут работать с полной отдачей, зато хохлы, латыши и разные там армяне с казахами кормят весь Советский Союз.

А вот этим вопросом следует заняться в первую очередь и как можно скорее, так как нет лучшего способа повышения квалификации, чем на наглядном примере внешне благополучной страны, которой до гибели осталось всего каких-то пятнадцать лет.

– Итак, товарищи, – сказал я, – сегодняшняя операция по наложению на Советский Союз заклинания Мобилизации, помимо желаемых результатов, имела и неожиданные последствия...

– Говоря о неожиданных последствиях, вы, товарищ Серегин, имеете в виду ту дыру, что образовалась в небе в результате вашей волшебной манипуляции? – с интересом спросил Сталин, сидевший от меня по левую руку.

– Эта дыра, – хмыкнул я, – ведет отсюда в мир примерно тридцать пять лет тому вперед по ходу Основного Потока. Слишком много мы собрали в одном месте мотивированных людей, на себе испытавших ужас нацистского плена. Слишком велика оказалась их вера в товарища Сталина, и слишком серьезно они восприняли каждое слово этой песни-заклинания, вкладывая в нее без остатка всю свою душу. В результате в местном локальном пространстве сконцентрировалось чрезмерно большое количество энергии, потому что скорость ее поступления в ходе раскрутки магоэнергетического вихря оказалась в несколько раз выше скорости рассеивания готовых эманаций Мобилизации в ноосфере вашего мира.

– Энергетический пробой случился по линии наименьшего сопротивления, как и в случае с обычным электричеством, – сказал Колдун. – У меня даже возникло ощущение, что тот мир сам притянул на свою ноосферу накопленный нами положительный заряд психической энергии. Есть в нем что-то такое, болезненное, предвещающее в будущем неотвратимую катастрофу, в силу чего он сам стремится соединиться с этим миром, чтобы составить с ним в будущем тесную пару – вроде той, о которой я докладывал вам там, в Бресте.

– Я думаю, мальчик прав, – с нажимом произнесла Бригитта Бергман. – Я прекрасно помню те годы. Смертельный удар коммунистической идеи и системе социализма был нанесен двадцатью годами ранее, еще в пятьдесят шестом году. Низвергнув с пьедестала товарища Сталина, ваши доморощенные вожди-временщики тут же пустились во все тяжкие. Сначала они прекратили идеологическое противостояние с капитализмом, объявив о мирном сосуществовании двух систем, а потом стали встраивать Советский Союз в буржуазную мировую экономику в качестве энергетического сырьевого придатка. И в то же время внутри вашей страны принимались разрушительные идеологически мотивированные решения, предопределившие в будущем дефицит товаров народного потребления, в том числе и продовольствия, а также значительный рост цен по всем товарным направлениям. Возникшие диспропорции планировалось покрывать за счет закупок на так называемом мировом рынке за счет денежных средств, вырученных от продажи капиталистам нефти и газа по демпинговым ценам. До поры до времени это работало, но все равно у большого количества ваших людей возникло ощущение бессмысленности и бессмысленности такого существования, потому что вожди с высоких трибун говорили одно, а делали нечто совершенно иное. При этом большое количество ваших людей, героев войны с фашизмом, знали прежнюю правильную жизнь и желали ее возвра-

щения, но до их желаний никому не было дела. Ваша партийная номенклатура отделилась от народа и замкнулась в своем собственном кругу, примерно так же, как раньше это делала наследственная аристократия, и это вызывало в советском обществе фрустрацию, за которой должны последовать тотальное неверие в проповедуемые догмы и жажда необратимых перемен, неважно, в какую сторону. Именно эти чувства в большом количестве я ощутила своими способностями мага Истины по ту сторону самопроизвольно возникшего портала.

– Да, все так и есть, – подтвердил капитан Коломийцев. – Я, конечно, моложе товарища Бергман на пару поколений и не обладаю магическими талантами, но середину семидесятых годов, с ее все усиливающимся ощущением бега на месте, помню прекрасно. Идеальный тупик, когда самое высокое начальство уже потеряло ориентиры в окружающем пространстве, а народ веру в это самое начальство и во все то, что оно произносит с трибун – он и в Африке идеальный тупик. Единственное, чем нам оставалось гордиться, это успехами в космосе и победой советского народа в Великой Отечественной Войне.

– А еще, – сказала Птица, и глаза ее как-то взволнованно блестели, – в середине семидесятых живет и творит Владимир Высоцкий. Спаси его, Серегин, и благодарность народа во всех мирах к тебе будет безмерна.

– Значит так, товарищи, – сказал я, – то, что этот портал открылся не по нашему желанию и разрешению свыше, для меня не значит ровным счетом ничего. Советский Союз в середине семидесятых годов точно так же находится под моей защитой и опекой, как и версии русского государства в других мирах. Советские люди, которые живут сейчас там, под мирным ясным небом, не должны узнать ни Перестройки, ни вызванной ею карточной системы, ни ужаса и бессилия девяностых, ни других негативных последствий гибели разлагающейся советской системы. И про Высоцкого мы, Птица, тоже не забудем. Мне кажется, что место этого человека здесь, перед бойцами и командирами Красной Армии – ему есть что сказать и спеть им. Но об этом после. При этом ответственности за миры восемнадцатого и сорок первого года, стабилизация которых далеко не закончена, я с себя тоже не снимаю. Да, легко и просто не будет, но нам, младшим архангелам и членам ЦК партии большевиков, никто и не обещал ни жизненной легкости, ни простых заданий. Поэтому быть посему, товарищи!

За окнами гроыхнул раскат грома, возвещая, что Небесный Отец оценил мою программу положительно. Впрочем, возникло у меня подозрение, что эта случайность никакой случайностью не была. Как бы не так... Нечто подобное было запланировано заранее, и когда тут у нас набух энергетический пузырь, направление прорыва ему было предопределено свыше.

– Ты прав, сын мой, – услышал я у себя в голове гроыхающий голос, – тот мир, хоть и находится на грани соскальзывания в сторону инферно, но еще не безнадежен, а потому за него стоит побороться. К тому же тебе следует привыкать вести сражения сразу на несколько фронтов, ибо, чем выше ты поднимаешься, тем сложнее обстановка. Тренироваться же лучше на относительно смирных котятках, и только потом переходить к тиграм.

– Я тебя понял, Отче, – мысленно склонил я голову, – и могу сказать, что выполню все в точности. А сейчас мои уши слышат звук, который никак не может принадлежать этому миру. Скорее всего, у нас нежданные гости, так что мне требуется переключиться с беседы с Тобой на решение сиюминутных проблем.

– Ну что же, Сын Мой, – гроыхнул бас Небесного Отца, – я тоже тебя понял. Желаю тебе успеха! Бывай!

И в самом деле, через раскрытые окна слышался стрекочущий свист, какой обычно издают вертолеты нашего времени. С запозданием я догадался, что если в том мире сейчас зима, то столб пара, поднимающегося через самопроизвольный портал, наверняка заметен с большого расстояния, и уж тем более его хорошо должно быть видно из Белостока, расположенного всего в семи километрах от места происшествия. Вот и залетел к нам оттуда вертолет, посланный осмотреть это явление и доложить начальству, что происходит. И вертолет этот,

скорее всего, не советский, а польский, ибо сидящий тут товарищ Сталин по итогам войны вернул Белосток с городками так называемой Народной Польше. Но здесь у нас на случай налета люфтваффе в «Шершнях» бдят мои злобные девочки, поэтому проникшую через портал чужую «вертушку» с неизвестными опознавательными знаками тут же взяли в коробочку и повели знакомиться. Ну что же, придется встретиться с панами польскими вертолетчиками, выяснить точную местную дату и поговорить. Но только пока то да се, пройдет полчаса, а то и поболее. Да и разговор с ними стоит вести не при всем честном народе, а в присутствии ограниченного круга лиц: товарища Бергман и местного товарища Сталина. Ну а пока мне требуется вполголоса пообщаться с советским вождем, объяснить ситуацию с миром середины семидесятых годов и заранее заручиться его содействием, так как сюрпризов этот человек не приемлет категорически.

– Значит так, товарищ Сталин, – сказал я, накрыв нас обоим Пологом Тишины, – все, о чем мы договаривались с вами ранее, остается в силе, и сегодняшнее внезапное событие на наши планы может повлиять только в самом положительном смысле...

– Что значит «в положительном смысле», товарищ Серегин? – спросил меня вождь советского народа. – Я вас что-то не понимаю...

– В том мире существует еще вполне дееспособный Советский Союз, в котором правит еще не до конца разложившаяся коммунистическая партия, – пояснил я. – Там нам надо будет не воевать, а, вооружившись унитазным ершиком, прочистить мозги зазнавшемуся и зажавшемуся партийно-советскому руководству. Эти люди после вашей смерти полностью потеряли морально-нравственные ориентиры, в силу чего кинулись сначала в кондовый троцкизм хрущевщины, а потом из него – прямо в глубокий правый позднесоветский оппортунизм. Низкопоклонство перед Западом – это и в самом деле тяжелая политическая болезнь, но только опасаться надо не заимствования с запада новых знаний и технологий, а подчинения доминирующим там политическим и социальным идеям. По счастью, товарищи, с которыми имеет смысл работать, присутствуют в руководстве тамошнего Советского Союза в достаточном количестве, и наибольшие надежды мне внушает сам Генеральный секретарь Коммунистической Партии Советского Союза Леонид Ильич Брежнев, герой Великой Отечественной Войны и прочая, прочая. Сам по себе, насколько я понимаю, он личность вторичная, и потому отпустил вожжи, позволил своим «соратникам» творить все что вздумается, и поплыл по течению, отвечая только на самые очевидные вызовы. Все прочие в его окружении – такие же фигуры второго и третьего плана, и если некоторых из них после короткого внушения можно снова ставить в строй, то остальные годятся только в отход, то есть в расход. Самый главный ваш интерес в том мире – это возможность получить для сражающейся страны то, чего не могу дать вам я. Ну нет у меня за душой полей хранения изрядно устаревшей для того времени, но все еще боеготовой техники и безразмерных складов боеприпасов, рассчитанных на три мировых войны. А если чего-то нет на складах, то это можно заказать у промышленности, находящейся на пике своей мощности и способной выпускать все необходимое для войны в большом количестве. А еще мы можем получить оттуда массовый поток добровольцев всех возрастов, от комсомольского до предпенсионного, готовых яростно сражаться с германским фашизмом за нашу Советскую Родину. Вопрос только в желании и содействии тамошнего советского руководства, и нам с вами придется решать его совместными усилиями. А если уж для этих людей и товарищ Сталин не будет авторитетом, то я позову на помощь товарища Ленина из четырнадцатого года и товарища Дзержинского из восемнадцатого. Уж эти товарищи покажут зажавшимся партийным бонзам, где на Марсе зимуют русские раки. И никого мне при этом не будет жалко, за исключением великого советского народа, который достоин лучшей доли, чем правление откровенных придурков и бездельников, не способных даже найти двумя руками собственную задницу.

– Это вы, товарищ Серегин, очень хорошо придумали, – кивнул мой собеседник, – но почему вы уверены, что нам удастся по-хорошему договориться с тамошним советским руководством, уже успевшим проклясть товарища Сталина и обвинить его во всевозможных преступлениях?

– Видите ли, товарищ Сталин, – сказал я, – большинство министров и членов ЦК того времени начинали свою карьеру как раз под вашим руководством, и пиетет перед вождем и учителем, как говорит боец Птица, вшит в их сознание на уровне подкорки. Они промолчали, когда Хрущев топтал вас мертвого, но это только потому, что никто из них ни разу не Джордано Бруно и не готов взойти на костер во имя истины. Ведь нет никаких сомнений в том, что любой, кто возвысил бы свой голос в вашу защиту, был бы тут же втопан в землю Хрущом и его камарильей. Такая она у вас, партийная дисциплина. Но вот, оказавшись перед лицом внезапно ожившего и решительно настроенного товарища Сталина, эти люди тут же вспомнят свои старые привычки и встанут перед вами во фронт, тем более, что, как сказал мне Дима-Колдун, наш маг-исследователь, значительная часть сгенерированного вами Призыва разлилась по тому миру, способствуя тому, чтобы его ноосфера сдвинулась в правильную сторону. Да и спешить мы не будем: сначала все тщательно разведем, а потом произведем одно решительное воздействие – например, прямо во время заседания Политбюро. Ведь в том мире и в самом деле торопиться нам некуда, и все можно делать обстоятельно, медленно и печально.

– Хорошо, товарищ Серегин, – ответил вождь советского народа. – Давайте примем ваш план за основу и посмотрим, что из этого выйдет. Самое главное, что вы не торопитесь кидаться в бой очертя голову и не забываете старых обязательств.

– Для меня, товарищ Сталин, – пожал я плечами, – одинаково ценны и Советская Россия образца тысяча девятьсот восемнадцатого года, и Советский Союз образца сорок первого, и он же образца семьдесят шестого года. Все это моя Родина, за которую я без гнева и пристрастия готов разобрать на запчасти любую другую державу, а также перестрелять и перевешать любое количество придурков, не понимающих страны, которой им довелось править. Ведь я защищаю от бед и несчастий не форму правления, не правящую партию и не привилегированные классы, а саму страну и ее граждан, чего бы там по этому поводу ни говорили разные демократические общечеловеки, то есть безродные космополиты. И именно это и есть та политическая платформа, на которой я стою двумя ногами, не сходя с нее ни на шаг.

– Есть мнение, – сказал мой собеседник, – что ваша платформа самая правильная, а все остальное от лукавого. Впрочем, товарищ Серегин, мы друг друга поняли.

13 июля 1941 года, час пополудни, Белосток, дворец Браницких Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский

Встреча с польскими вертолетчиками состоялась в отдельном кабинете. Их было двое: пилот Ми-2 в звании капитана и летчик-наблюдатель в звании поручика. Судя по эмблеме на борту, их вертолет принадлежит к службе пограничной охраны и вылетел для осмотра непонятного явления по непосредственному указанию начальства с аэродрома Крывляны, расположенного на южной окраине города. Оба поляка довольно прилично говорят по-русски, и оба в ужасном смятении и недоумении от происходящего. Чтобы прийти в такое состояние, им было достаточно пролететь на своей «вертушке» из зимы в лето, столкнуться тут со звеном невежливо настроенных краснозвездных «Шершней» (до стрельбы на поражение, Слава Отцу, дело не дошло) и уже на земле оказаться под конвоем отделения моих бойцовых остроухих. Девочки находились «при исполнении», так что вид имели суровый и были экипированы по боевому: в бронежилет, разгрузку, каску, имели при себе «супермосин» и неизменный тевтонский палаш в заспинных ножнах. Попробуй не подчинись...

Потом этих двоих привели во дворец Браницких, над которым развевается не польский, а советский флаг, и представили пред наши светлы очи. Больше всего панов поразил самый

настоящий товарищ Сталин. Уставились они на него так, будто как минимум увидали графа Дракулу. Запугали этим человеком людей Хрущ и его присные, хотя он и кровь не пьет, и младенцев на завтрак не ест. Какой-нибудь Черчилль или Рузвельт были в сто раз его кровавее, но из них никто мирового злодея не делал.

Впрочем, лучший друг советских физкультурников заранее сказал мне, что не будет вмешиваться в разговор ни словом ни жестом, а участие во встрече принимает только для того, чтобы Истинным Взглядом посмотреть на жителей того мира, пусть даже это и всего лишь поляки. Товарищу Сталину лучше один раз увидеть этих людей и их реакцию на себя собственными глазами, что сто раз прочитать о них в книгах из будущего. И, судя по всему, от польских вертолетчиков он оказался далеко не в восторге. Да и для меня эти люди, даже с поправкой на их национальность и государственную принадлежность, тоже выглядят как-то вторично. Не оголтелые от ненависти пшеки нашего времени, но и не герои фильма про четырех танкистов и собаку, которым, было дело, сопереживала вся советская страна. Кажется, что это нормальные вроде бы люди, но будто лежит на них какая-то порча или проклятие. Однако обмен мнениями по польскому вопросу у нас с советским вождем еще впереди.

Наши не совсем добровольные гости могли бы вообразить, что тут снимается исторически-фантастическое кино, но ни камер, ни софитов, ни работников сцены, ни прочего кинематографического персонала здесь не наблюдалось. Зато замок и окрестности заполняли люди в псевдосоветской военной форме со знаками различия РККА начального периода войны, на улицах были видны колонны танков, вполне современных на середину семидесятых годов, а воздухе сами по себе, без всякой опоры, с тихим свистом парили фантастические аппараты вроде бы как из далекого будущего. Удивительно: смещение времен и стилей – и тут же товарищ Сталин собственной персоной, как признак ужасного прошлого...

– Добрый день, панове, – поприветствовал я польских офицеров. – Меня зовут Сергей Сергеевич Серегин. Несмотря на свой относительно небольшой чин, это я тут самый главный воинский начальник и командир всех этих людей...

– Добрый день, пан капитан, – по-русски, с сильным акцентом, ответил пилот польского вертолета, – меня зовут капитан войск пограничной охраны Ксаверий Козловский, а это мой летчик-наблюдатель, поручик по-вашему, старший лейтенант Петр Михалик. Нас послали осмотреть столб пара, поднимающийся к облакам прямо из воздуха на высоте полукилометра...

– Ну и осматривали бы из своего воздушного пространства, – проворчал я, – а границу между мирами зачем было пересекать?

– Между мирами, пан капитан? – недоумевающе переспросил капитан Козловский.

– Да, именно между мирами, – подтвердил я. – А то вы и не заметили? Там у вас зима, холодно и идет снег, а тут, наоборот, лето и довольно жарко. Тут у нас тринадцатое июля сорок первого года, уже идет война с Германией, кровавые сопли с обеих сторон летят во все стороны...

– Но позвольте, пан капитан! – воскликнул Ксаверий Козловский, – насколько я помню, германцы взяли Белосток уже двадцать седьмого июня!

– Да взяли, пан Ксаверий, – ответил я, – а потом отдали, причем с поклоном, а те германцы, что не хотели нам кланяться, уже гниют в земле. Тут, видите ли, не обычный мир второй мировой войны, где все идет как написано в ваших учебниках истории – тут искусственный мир, получивший сильный удар в бок в результате вмешательства извне. Моего вмешательства, панове. Я не зря назвал себя тут главным воинским начальником: все эти фантастические для вас летательные аппараты и современные танки, как и десятки тысяч идеальных солдат женского пола из далеких миров, подчиняются именно мне и никому более. Моих сил вполне хватило для того, чтобы, открыв дверь в этот мир второго июля, к настоящему моменту пол-

ностью сорвать германский блицкриг и организовать тут, в глубоком вражеском тылу, освобожденную зону...

– Но это же невероятно! – воскликнул пан Козловский. – Такого просто не может быть!

– Товарищ Серегин, – мысленно сказала мне Бригитта Бергман, – бессмысленно вести разговоры с этими офицерами, мелкими, как инфузории. Таких можно только накормить и отпустить, ибо их бесследное исчезновение на нашей территории будет совершенно нежелательным. Все, что от них требуется, это информация о дате и точном времени в том мире. А нужен нам их начальник, заместитель министра внутренних дел генерал бригады Мирослав Милевский, так как по долгу своей службы именно он курирует собственную польскую Службу Безопасности¹, а также связи со спецслужбами Советского Союза, Восточной Германии и Болгарии...

– Выхода на советское КГБ нам не надо ни сейчас, ни впоследствии, – так же мысленно ответил я. – продвигаясь по этой линии, мы упрямся в фигуру председателя КГБ товарища Андропова, а к этому человеку у меня имеется стойкое недоверие, и даже отвращение. Во-первых, именно он притащил на самый верх такое дерьмо, как месье Горбачев, и это мне известно совершенно достоверно, как капитану Серегину. Во-вторых, энергооболочка доложила, что его подозревали в организации убийства Петра Машерова, и это далеко не единственное подобное преступление. Есть у меня такое чувство, что, если порыться в этом деле со всевозможным тщанием, то за ним всплывут и другие случаи интриганства и нечистоплотного поведения. А как нашим смежникам-чекистам завещал товарищ Дзержинский, руки у них в любом случае должны оставаться чистыми. Выход на ваших товарищей из «штази» для нас сейчас куда интереснее. Вряд ли генерал-полковник Эрих Мильке захочет, чтобы через пятнадцать лет свои внутренние и советские предатели сдали его на бойню как барана, вместе со всей вашей страной...

– Туше, товарищ Серегин, – подумала Бригитта Бергман, – если кто и отнесется к вашему предупреждению серьезно, то это мои коллеги из министерства государственной безопасности Восточной Германии. Но, скажите, какую цель будет преследовать этот контакт, который отдалит нас от эпицентра событий в Москве, а не приблизит к нему?

– Через генерала Мильке, курирующего не только политическую, но и военную разведку, я планирую выйти на своих коллег из главного разведывательного управления советского министерства обороны, – мысленно ответил я. – А вот это уже будет совсем другое дело, потому что эти люди еще не скурвились и не прогнили. И, кроме того, они всегда будут рады вставить фитиль конкурентам-смежникам, и министр обороны приветствует это стремление, ибо межведомственную грызню еще никто не отменил. И вот, когда подобный контакт будет налажен, можно подумать о том, чего бы учинить такого эдакого – грохнуть какого-нибудь западного политика во время перелета через Атлантику, чтобы раз и навсегда выбить тот мир из Основного Потока и получить в нем свободу перемещения...

Бригитта Бергман на меня как-то странно посмотрела и мысленно сказала:

– Тот мир середины семидесятых годов, товарищ Серегин, уже вышел из Основного Потока, хотя в нем мы еще не шевельнули и пальцем. Своими способностями мага Истины я чувствую это совершенно определенно. Скорее всего, это произошло сразу после возникновения постоянного портала, потому что после этого в любом случае ничего в этом мире не может остаться таким, каким было прежде. Но об этом мы можем поговорить и потом, а сейчас нужно решить вопрос с панами вертолетчиками, выяснить точную текущую дату и отпустить их обратно – как у вас говорят, до дому до хаты.

¹ Службы Безопасности МВД ПНР была аналогом ГУГБ НКВД СССР, то есть спецслужбой, включенной в организационную структуру ведомства внутренних дел.

– Ну, товарищ Бергман, если этот мир и так вышел из Основного Потока, то ничего особенного учинять нам и в самом деле не требуется, – подумал я. – Тихо пришли, тихо сделали свои дела – а потом глядь, а что-то в лесу сдохло, и ветра не было. А вот панов польских летчиков за генералом Милевским отпустить надо, и как можно скорее. В первую очередь, для того, чтобы этот деятель со своей стороны организовал особый режим охраны, а то на наш исходящий паром посреди зимы портал в самом ближайшем времени толпами полезут всяческие любопытствующие туристы. Угрозило нас учинить свою манифестацию не на поляне посреди глухой пущи, а рядом с крупным городом...

– Ну, кто же тогда знал... – пожала плечами Бригитта Бергман, на чем наш мысленный обмен мнениями был закончен.

– Панове офицеры, – сказал я вслух, обращаясь к польским вертолетчикам, – я не вижу смысла спорить с маленькими людьми о том, что случиться может, а чего нет. Самое главное – то есть переход в другой мир и расположившуюся тут мою армию – вы видели собственными глазами. Могу вас заверить, что тут только часть моих сил, причем не самая большая, а с главной моей боевой единицей встречаться нежелательно даже американским империалистам, ибо все будет в прах и пепел, как после ядерной войны. Но это я говорю вам не с целью напугать, а для общего понимания, ибо не имею ничего против вашей Народной Польши. Но имейте в виду, что тот круг в небе – это тоже граница, и не только с сопредельным государством, но и с сопредельным миром, и будет очень нехорошо, если через несколько дней в Белосток вашего мира поглазеть на дивное диво толпами начнут наезжать разного рода любопытствующие со всей Польши, в том числе и шпионы всех мастей. Там у вас такое может начаться, что западногерманский осенний пивной фестиваль покажется образцом благопристойности и порядка.

– Да, пан Серегин, – согласился капитан Козловский, – такое развитие событий будет совсем нехорошо. Но что тут можем сделать мы, как вы правильно сказали, маленькие люди? И даже начальник нашего пограничного отдела полковник Василевич недостаточно компетентен для решения такого вопроса.

– Да, – сказал я, – чтобы решить этот вопрос, полковник Василевич должен обратиться с рапортом даже не к своему непосредственному начальнику генералу бригады Чеславу Стопиньскому, а к курирующему спецслужбы заместителю министра внутренних дел генералу бригады Мирославу Милевскому. Раз уж эти Врата между мирами возникли, пусть даже и без нашего желания, то необходимо налаживать какие-никакие официальные отношения, хотя бы по линии пограничных и прочих специальных служб.

– Це добже, – кивнул старший из польских офицеров, – но что нам делать, если полковник Василевич не поверит нашему устному рапорту?

– Тогда разрешаю вам сделать для начальника вашего отдела один вывозной полет по кругу над местным Белостоком, после чего вы должны сразу вернуться обратно на свою территорию. Думаю, что увиденного с высоты птичьего полета будет достаточно для того, чтобы пан полковник воспринял ваш рапорт со всей возможной серьезностью.

– О, да, пан Серегин, – согласился капитан Козловский, – такой вид убедит кого угодно...

– В таком случае, пан капитан, последний вопрос, и вы можете садиться в вертолет и отправляться на свою сторону, – сказал я. – Какой год, месяц и число идут у вас там, в вашем мире?

– Второе января тысяча девятьсот семьдесят шестого года, – ответил мне собеседник. – А что, это имеет какое-нибудь значение?

– Только чисто информационное, – пожал я плечами. – Никаких великих событий или ужасных катастроф у вас в ближайшее время не ожидается.

– Пан капитан может видеть будущее? – с легкой ехидцей спросил поручик Михалик.

Вместо меня неожиданно ответила Бригитта Бергман:

– Пан Серегин ваше будущее просто знает, потому что происходит родом из две тысячи шестнадцатого года. Да и мне про вашу Польшу тоже кое-что известно, хотя я покинула родное время на четверть века раньше. Но об этом мы тоже будем разговаривать только с паном Милевским и ни с кем другим, а вам такие знания просто не по чину. И еще передайте своим начальникам, что пан Серегин будет очень недоволен, если пана Милевского к нам доставит другой экипаж. Он таких вещей не любит.

– Да, – подтвердил я, – я такого не люблю. И еще: полковник Бригитта Бергман служит у меня начальником службы безопасности, так что по специальным вопросам пан Милевский будет общаться именно с ней, а по вопросам общей политики – со мной. На этом, я думаю, наш разговор пора закруглять, а то как бы вдогон вам начальство не послало еще один вертолет.

– Да, это вполне реальная опасность, – согласился пан Козловский, – но прежде, чем мы расстанемся, хотелось бы спросить: пан Милевский должен прибыть к вам один или ему можно взять с собой сопровождающих?

– Пан Милевский может взять с собой трех-четырёх офицеров в невысоких чинах, – ответил я, – но не для участия в нашей беседе, которая будет чисто конфиденциальной, а исключительно для того, чтобы они прошли по местному Белостоку и провели опрос местных жителей по своему выбору. Должно же ваше начальство убедиться, что рассказанная нами история – чистая и истинная правда.

Паны польские офицеры козырнули двумя пальцами и вышли, переполненные впечатлениями. Едва за ними закрылась дверь, товарищ Сталин перевел взгляд с Бригитты Бергман на меня и спросил:

– А теперь, товарищи, будьте добры пояснить, почему вы так упорно требовали, чтобы на встречу с вами прибыл именно товарищ Милевский?

– Бригадный генерал Мирослав Милевский – это мой контакт из прошлой жизни, – пояснила Бригитта Бергман. – Этот человек был хорошо известен в рядах нашего министерства государственной безопасности, так как в польском министерстве внутренних дел именно он отвечал за разведывательную и контрразведывательную деятельность, а также за связи с восточногерманскими и советскими спецслужбами. А еще в руководстве польской компартии в противовес «гибким» товарищам, склонным к оппортунизму и капитулянтству перед буржуазными идеями, товарищ Милевский считается сторонником развития реального социализма, сторонником фракции «партийного бетона», чуть ли не ортодоксальным сталинистом. Если мы сможем склонить этого человека к сотрудничеству, то перед нами откроется возможность выхода как на советские, так и на восточногерманские спецслужбы...

– Восточногерманская «штази», где имела честь служить товарищ Бергман, – добавил я, – в ее время считалась одной из лучших разведывательных и контрразведывательных служб стран социализма. Но это и понятно: враг у них был не где-то далеко, а прямо через забор, и отступать тоже было некуда, что и подтвердилось в девяностом году, когда меченый придурок Горбачев сдал восточногерманское социалистическое государство на бойню за миллиард марок «компенсации». Впрочем, чуть позже он сдаст американцам и все остальные соцстраны, а потом и то государство, которым ему довелось управлять, после чего в Москве случится контрреволюционный переворот, распад Советского Союза и повсеместная реставрация капитализма.

– Что-то я не понимаю вас, товарищ Серегин, – сказал Сталин. – В книгах, которые вы мне дали, о контрреволюционном перевороте не написано ничего.

Я вздохнул и пояснил:

– Книжки у нас из библиотеки советского танкового полка, загремевшего в тартарары из осени восьмидесят девятого года, зато о случившемся в августе девяносто первого года контрреволюционном перевороте, распаде Советского Союза и реставрации капитализма мне и бойцам моей первоначальной спецгруппы известно в силу нашего происхождения из две

тысячи шестнадцатого года. Как выразился наш тогдашний политический лидер, «это была величайшая геополитическая катастрофа двадцатого века».

– Да? – задумчиво произнес вождь. – А раньше вы мне об этом не говорили.

– Не говорил, потому что это не имело отношения к текущей задаче осадить назад германское вторжение, – ответил я. – Десять дней мы с вами босиком плясали лезгинку на углях, затапывая прорывы и латая фронт, дырявый как прелея портянка. Для разговоров об отдаленных политических перспективах тогда просто не было времени. И вот, когда дело в основном было сделано и, казалось бы, настало время для спокойного общения, прямо на голову падают Врата в этот тысяча девятьсот семьдесят шестой год. Ну что же, придется, засучив рукава, разбирать и персональный вопрос товарища Брежнева.

– Никто не обещал нам, большевикам, легкой жизни, – огладив усы, сказал Сталин. – Как специалист могу сказать, что отплясывали вы знатно – сразу видно не только большой опыт, но и талант. А теперь скажите – вы убьете этого Горбачева, да?

– Скорее всего, убью, ибо зуб на него у меня с Эйфелеву башню, – ответил я, – но случится это далеко не сразу. Сейчас этот человек всего лишь первый секретарь Ставропольского крайкома, а значит, пешка, хотя и проходная. Зато товарищ Андропов, который со страшной силой тянет Горбачева наверх, проходит у нас с товарищем Бергман подозреваемым по множеству преступных деяний, которые в итоге и привели к краху Советского Союза. Этот человек – хитрый, жестокий и подлый, оппортунист и перевертыш, ничуть не лучше Ежова и Ягоды, но худшее заключается в том, что это именно он ныне занимает должность председателя комитета государственной безопасности. Поэтому прямой выход через генерала Милевского по этой линии на Москву нам сейчас не нужен, да и прямо вреден. Зато через спецслужбы Восточной Германии можно попробовать выйти на моих коллег из главного разведывательного управления генерального штаба...

– А зачем вам выход на таких людей? – спросил советский вождь. – Неужели вы хотите устроить террористический акт в отношении одного из членов Советского правительства и исполнить его без суда и следствия?

– Да нет, товарищ Сталин, против товарища Андропова я планирую действовать исключительно «классическими» методами, и только с вашей санкции. Коллег по цеху я предполагал использовать при подготовке операций против некоторых западных политиков и э... бизнесменов, яростных противников Советского Союза, Исторической России и большевистской идеи, что облегчит стабилизацию этого мира на правильном курсе. Но это в отдаленной перспективе. По большей части, выход на генерала Милевского сейчас необходим из-за того, что постоянный портал, в дальнейшем именуемый Вратами, открылся не где-нибудь в безлюдной местности, а на довольно густонаселенной территории хоть и дружественного, но сопредельного государства, и без взаимодействия с его властями по-хорошему жить не получится. А плохому нам в этом мире нельзя. Уникальный же шанс – все сделать тихо и по уму, а не с применением грубой силы.

– По уму действовать было бы правильнее, – согласился Сталин, – только это не всегда получается. Чаще приходится срываться на применение грубого насилия, потому что результат нужен не послезавтра, а еще вчера.

– В семьдесят шестом году конфигурация сил сложилась просто уникальная, – сказал я. – Если в январе восемнадцатого, помогая товарищу Ленину овладеть ситуацией, мне пришлось изъять больше половины состава ЦК, то тут из состава Политбюро выдернуть с концами надо будет не более двух-трех человек, и одного персонажа вернуть на должность. Ну и, естественно, требуется хорошенько встряхнуть оставшихся, воочию показав им страх Божий – например, продемонстрировав им вас и назначив на должность вашего представителя в том мире Лаврентия Берию. Кроме кнута, у меня в запасе имеется и пряник. Для тех, кто будет тружиться на пределе сил, гарантируется восстановление здоровья, полное омоложение и жизнь долгая,

почти что вечная. Впрочем, на тот состав Политбюро еще надо будет глянуть собственными глазами с Истинным Взглядом, и только потом выносить окончательное решение.

– В таком случае, – сказал лучший друг советских физкультурников, – сейчас мне лучше вернуться в свой кабинет. И имейте в виду, что если товарищ Милевский решит с вами встретиться, я тоже хотел бы при этом присутствовать.

– Хорошо, – сказал я, открывая портал в кремлевский кабинет вождя, – как только этот человек тут объявится, я вас извещу.

13 июля 1941 года, вечер, Белосток, дворец Браницких

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский

Вечером, когда улеглась суета, я поставил задачу Колдуну завтра с утра своими методами обследовать Портал-Врата, дабы изыскать возможность уменьшения его проницаемости желательно до нуля (а вдруг получится), после чего собрал на неформальное совещание своих Верных, в основном из числа уроженцев позднего СССР. Поскольку вход был свободный, вместе с офицерами танкового полка пришли Птица, Бригитта Бергман, Кобра и... Мэри Смитсон. И хоть американка и не была уроженкой середины семидесятых годов, я не сказал ей и слова. Пришла и пришла, может, и скажет нам чего умного.

– Итак, товарищи и некоторые леди, – заговорил я, – мы не хотели этого задания, оно упало на нас само. А теперь вводная. В настоящий момент в том мире идет пятница, второе января 1976 года. Люди только что отгуляли новогодние праздники, теперь впереди два выходных, и в понедельник на работу...

– Должен напомнить, – сказал замполит гаубичного дивизиона капитан Юрченко, – что в самом ближайшем будущем, в конце февраля – начале марта, должен состояться очередной двадцать пятый съезд КПСС. В свое время, в училище, нам этим съездом все мозги проталдычили. Если мы хотим добиться решающих изменений, то момент вполне подходящий. На двадцатом съезде Хрущев сбил страну с истинного пути, а на двадцать пятом Брежнев вернет ее обратно.

– Брежнев в семьдесят шестом году был уже не тот, что раньше, – хмыкнул подполковник Седов. – Жевать кашу на выступлениях и заговариваться он начал еще за год до того. Поговаривали, что у него был инсульт, и не один.

– Инсульт-шминсульт, полная ерунда, – заявила неожиданно возникшая возле меня Лилия. – Если будет надо, то вылечим вашего Брежнева от всех болезней, и будет он как новенький! Вопрос только в том, надо ли его лечить, и если надо, то до какой степени.

– Брежнев – боевой офицер, проливал кровь за Родину, – сказал я, – а такие у меня на особом счету. Поэтому сначала попробуем по-хорошему, и только потом перейдем к мануальным внушениям. Так что вопрос первого контакта становится первоочередным. Кто знает, с какой периодичностью и где именно проходят заседания Политбюро, чтобы можно было посмотреть на этих деятелей собственными глазами, хотя бы через просмотровое окно? Также хотелось бы знать, где именно обитает товарищ Брежнев – на тот случай, если потребуется конфиденциально переговорить с ним тет на тет.

Ответом мне была тишина. Никто из уроженцев позднего СССР не представлял себе ни механизма функционирования государственного аппарата, ни места обитания вождей на госдачах.

И тут заговорила моя энергооболочка, уже подключившаяся к местной ноосфере и собравшая с нее всю существующую информацию.

– Значит, так, Серегин, – сказала она мне, – заседания Политбюро проходят по четвергам и понедельникам с одиннадцати ноль-ноль в зале для совещаний, по соседству с парадным кабинетом Брежнева в Большом Кремлевском дворце. Где кабинет Сталина, ты уже знаешь, кабинет Брежнева и зал для совещаний этажом выше. Ведет заседание иногда Леонид

Брежнев, но чаще он отсутствует, и тогда председательствует либо Михаил Суслов, либо Юрий Андропов, либо руководитель брежневского секретариата Константин Черненко, хотя он пока не член Политбюро, и даже не кандидат. Помимо членов Политбюро и кандидатов, на заседаниях обычно присутствуют профильные консультанты по обсуждаемым вопросам, но их место – не за общим столом, который только для небожителей, а на стульчиках у стенок.

«Так, – подумал я, – заседание Политбюро без Брежнева будет нам не по фэншую. Пропадает главный предмет приложения воспитательного процесса. И в тоже время, если он так плох, что не помнит себя, то, наверное, сначала надо совершить к нему внезапный ночной визит для излечения и прояснения сознания, и только потом подвергать политической проработке. Но для этого нам требуется выяснить, где расположена его госдача, и только потом будет возможно все остальное...».

– Госдача, – хмыкнула энергооболочка, – находится в поселке Заречье, сразу за МКАДом. Сначала из центра по Кутузовскому проспекту и Можайскому шоссе, потом на развязке повернуть налево, проехать по МКАДу два километра, и по правую руку будет Заречье. Живет твой Брежнев относительно скромно, но вот когда он едет из Кремля на дачу и обратно, улицы, в том числе и центральные проспекты, для его проезда перекрывают намертво. И ведь ничего не екает в грудях у хозяина жизни, когда ради его быстрее проезда все окрестные дороги на час-два встают колом.

– Да, – мысленно согласился я, – это совсем не по-нашему, не по-артански. Такие барские манеры являются тяжким симптомом, свидетельствующим об оскорбительном пренебрежении к простому народу. Советская так называемая «элита» уже оторвалась от народной почвы и вознеслась в воздушные замки, подпитываемая магазинами-спецраспределителями, государственными дачами и закрытыми пансионатами. Затраты на ее содержание с каждым годом все больше, а полезная отдача все меньше, ибо в силу своего идеологического догматизма эти люди видели мир не таким, какой он есть, а таким, каким он должен быть, исходя из их представлений. Или некоторые вообще ничего не желают видеть и действуют из принципа «вот помру, а потом хоть потоп». Отсюда и отказ от научно-технической революции, вызвавший прогрессирующее отставание Советского Союза в электронике и вычислительной технике, а также импотентская внешняя политика. Этим людям было просто все равно, что станет с их страной. И как с этой болезнью бороться без расстрельных команд и чрезвычайных троек? Впрочем, на имеющуюся картину было бы полезно взглянуть глазами спутников орбитальной сканирующей сети. И не беда, что их у нас в запасе меньше половины штатного комплекта: для отработки статической информации, когда не надо отслеживать перемещения авианосных эскадр и танковых групп, хватит и значительно меньшего количества этих всевидящих аппаратов. Кстати, древнегреческая легенда о стоглазом Аргусе наводит на мысль, что без чего-то подобного там не обошлось.

– Кстати, Серегин, – хмыкнула энергооболочка, – перед съездом, числа двадцатого февраля будет Пленум ЦК, на котором рассмотрят проекты отчетного доклада и экономической программы на следующие четыре года, а перед этим все вопросы будут многократно обсуждены на заседаниях Политбюро. А вот там все решения принимаются только единогласно, так что всех несогласных тебе придется мочить на месте, не озаботившись для этого подбором подходящего сортира.

– Прямо на заседании Политбюро допустить больше одной смерти нежелательно, – ответил я энергооболочке, – а потому на роль мгновенной сакральной жертвы я уже наметил Андропова. С учетом его должности председателя КГБ, это очень опасный мерзавец, которого нельзя оставлять в живых ни одной лишней минуты. Впрочем, я уже решил начать работу с Брежнева, а там будет видно...

А потом я подумал, не слишком ли я тороплюсь убивать этого человека, ведь в его голове хранится столько злобещих и зловонных тайн? А то уж больно резво даже после его

смерти верхушка КГБ принялась не защищать страну от развала, а разрушать ее, растаскивая обломки по разным национальным углам. Не зря же говорили, что ни в одно межнациональной сваре второй половины восьмидесятых не обошлось без сотрудников этого ведомства, действовавших прямо в нарушение присяги. Иначе ни события в Тбилиси, ни Карабах, ни Фергана, ни бунт в Прибалтике просто не были бы возможны. Нет, сначала с товарищем Андроповым пусть тщательно поработает Бригитта Бергман, и только потом перед ним раскроются врата Ада. Или не раскроются, если того потребует обстановка. Глубокий обморок с эвакуацией в наше лечебное учреждение будет куда полезнее молниеносной смерти. Убить мы его всегда успеем.

Выйдя из транса переговоров с энергооболочкой и внутренних размышлений, я обнаружил, что мои соратники с напряженным вниманием смотрят в мою сторону, ожидая очередных эпохальных откровений.

– Значит, так, товарищи, – сказал я вслух, – идея разворота Советского Союза на новую колею на двадцать пятом съезде КПСС, высказанная товарищем Юрченко, принята как рабочая гипотеза. Свою работу мы начнем с генерального секретаря коммунистической партии Советского Союза, и только после его полной нормализации перейдем к прочей камарилье. Примерные координаты загородного логова товарища Брежнева у нас имеются, нужно только провести дополнительные наблюдения через просмотровое окно. Также я принял решение вывесить в небеса этого мира все имеющиеся у нас на складе спутники орбитальной сканирующей сети и пополнять группировку до полного штата по мере готовности аппаратов. Мир семьдесят шестого года дан нам в ощущениях, в том числе и для того, чтобы мы могли потренироваться перед подходом к гораздо более сложным мирам девяностых годов. А посему будем относиться к нему со всей надлежащей серьезностью. А теперь я хотел бы поговорить с вами о другом. Каково, чисто по вашим ощущениям, было жить в Советском Союзе середины семидесятых годов – чего советские граждане тогда боялись и чему радовались?

– Хорошо жили, – за всех ответил подполковник Седов, – особенно в Москве, Ленинграде, столицах союзных республик и приравненных к ним «военных» городах центрального подчинения с пропускным режимом и прочими прелестями жизни за колючей проволокой. А на всей остальной территории Советского Союза жизнь была как придется. Где-то только за счет картошки с дачи и придомового огорода и выживали. Карточек не было, но очереди, иногда даже очень внушительные, были обычным явлением, как и спекулянты, втридорога перепродававшие самые ходовые товары из-под полы. Самые уважаемые профессии – это директор магазина или начальник оптовой базы, но они же и самые опасные, потому что ОБХСС время от времени прореживало ряды расхитителей социалистической собственности, а «особо крупный» размер хищения мог привести и к расстрельному приговору. Однако, скажу честно, после двух лет службы у вас я бы к такому образу жизни вернуться не смог. Привык, понимаешь, к человеческому отношению, когда не лгут, не лицемерят, не подставляют, не бьют в спину и по рукам, а также думают, говорят и делают одно и то же, а не как придется. Также не наблюдается у вас и начальственного барства, когда приезжает с инспекцией генерал из Москвы, с пузом как у беременного на последнем месяце, и начинает шпынять: почему, мол, на территории части бордюры не выровнены и не побелены, почему трава недостаточно зеленая или почему слишком много деревьев? Немедленно срубить²! А потом в баню и обязательно проставиться перед начальством в жидкой форме, а также скинуться на подарок...

² Во время срочной службы главного соавтора в рядах доблестной советской армии в составе группы советских войск в Германии, был такой случай, когда после подобного генеральского визита на территории полка вырубили и выкорчевали все деревья и перекопали все газоны, ибо начальство сказало, что «в части слишком зелено». А вот систему отопления починить так и не смогли: ржавую теплотрассу выкопали из земли еще в июне, но взамен до зимы ничего не проложили, ибо наряд на новые трубы был выполнен только частично. И большому начальству от комдива и выше было пофиг, что на всю зиму (это как минимум) целый полк остался без отопления. Германия – это не Африка, на улице в январе температура пляшет возле

После этих слов товарищи офицеры танкового полка одобрительно загудели, подтверждая его слова. Видимо, сие явление было достаточно, так сказать, частым и назойливым, и ждали таких инспекций с ужасом, потому что никогда нельзя было предугадать, что именно вызовет начальственный гнев обитателя Арбатского военного округа.

– А я вот что хочу сказать тебе, Серегин, – произнесла Лилия, когда гул голосов утих. – Там, по домам ветеранов, а также просто у родных и близких, еще живет множество обрубков прошлой Великой Войны. Слепые, глухие, безрукие, безногие, они доживают свой век обузой как для государства, так и для тех родных, у кого достаточно совести, чтобы не сдать родного человека в приют. Отдай их мне, и я верну их к полноценной жизни, ведь они все – так любимые тобой Защитники Отечества.

– Все это хорошо, Лилия, – сказал я, – но хватит ли у тебя возможности на несколько десятков, а может, сотен тысяч ветеранов войны?

– Хватит! – уверенно сказала Лилия. – В Тридесятom царстве с помощью Духа Фонтана я только начну оздоровительную работу, составлю программы для магической регенерации и запущу их в дело, а заканчивать лечебный процесс можно в мире Славян, выстроив на берегу Днепра, прямо у порогов, цепь реабилитационных санаториев. Я попрошу Дану, и она проследит за восстановлением здоровья этих людей.

– Заметано, – сказал я, еще раз посоветовавшись с энергооблочкой. – Только к твоей программе есть небольшое дополнение. Помимо инвалидов войны, здоровье необходимо восстановить всем дожившим до семьдесят шестого года прославленным маршалам и генералам. В первую очередь меня интересуют такие люди, как маршал Василевский, генералы Катукow и Покрышкин, но и другие дельные командиры масштабом поменьше нам тоже не повредят. Начинать можно с курса инъекций югоросской сывороткой, а далее действовать в соответствии с протоколом. Чем эти люди хуже Велизария, которого мы также сняли со смертного одра, а теперь он снова наводит ужас на врагов?

– А вот это ты, папочка, очень хорошо придумал! – сказала мелкая божественность. – Ну, если мы договорились, тогда я побежала готовить все необходимое. Пока-пока!

Хлоп! – и моей приемной дочери и след простыл. Впрочем, это никого не удивило. Привыкли.

И тут заговорила Мэри Смитсон.

– Сэр, – сказала она на хорошо поставленном русском языке, – будет ли мне позволено задать вам пару вопросов, а потом высказать свое мнение?

– Да, Мэри, – ответил я, – спрашивай, я тебя слушаю.

– Сэр, вы собираетесь уничтожить местную Америку? – спросила она.

– Нет, Мэри, – ответил я, – ничего подобного мне просто не приходит в голову. Даже в нашем родном мире, где ваша страна уже далеко зашла по пути Отца Лжи, я не намереваюсь делать ничего подобного, в крайнем случае, собираюсь ограничиться хирургически точными ударами по центрам принятия решений. А в семьдесят шестом году не нужно даже этого, потому что любой однополярный мир, хоть американский, хоть советско-российский, непременно приведет человечество к стагнации и загниванию. В нашем прошлом сначала загнил Советский Союз, который после победы во Вьетнаме решил, что уже выиграл соревнование двух систем, а потом, после его гибели, загнила и Америка. Нет, такого пути нам не надо. Америка просто должна стать чуть более человекообразной и чуть менее алчной, и проповедовать культ жизни, а не разных извращений и самоубийства человеческой расы. В этой войне за будущее того мира я собираюсь действовать при помощи агитации и пропаганды, а не бомбоштурмовых или, не дай Отец, ракетно-ядерных ударов.

– Тогда, сэр, – сказала Мэри, – обратите внимание на издателя журнала «Плейбой» Хью Хефнера. И не делайте такие лица, господа. Ведь «Плейбой» – это совсем не журнал о сексе. Сам Хью Хефнер говорил, что для него это издание всегда было об образе жизни, в которой секс является лишь одной из составных частей. Он считал, что естественный секс становится здоровее, когда его не скрывают и не прячут, а любые обратные действия только оглупляют общество. И в этом вы с ним сходитесь, ибо у вас здесь ханжества не наблюдается даже в малейшей степени. В «Плейбое» публиковали свои произведения Джон Апдайк, Курт Воннегут и Том Клэнси, а среди интервьюируемых были Фердинанд и Имельда Маркос, Мартин Лютер Кинг, Фидель Кастро, Даниель Ортега, Ясир Арафат, Джон Леннон, Деннис Родман, Томми Хилфигер, Кевин Спейси, Джон Траволта и Билл Гейтс. При этом фотографировались для этого журнала не только «девушки средней руки и повышенной доступности», но и такие звезды, как Катарина Витт, Синди Кроуфорд, Наоми Кэмпбелл, Шэрон Стоун и многие другие. К тому же вам есть что предложить мистеру Хефнеру, ибо таких первосортных моделей, как остроухие лилитки, nereиды и амазонки, у его журнала еще не было. Думаю, что только за то, чтобы одним глазком взглянуть на Тридешатое царство или нудистское купание кавалерийского корпуса в Днепре мира Артании, старина Хью отдаст правый глаз и левую почку в придачу... К тому же, помимо доступа к каналу влияния на американское общество, эта операция способна немало пополнить наш обменный фонд местными американскими долларами, которые значительно весомее синеньких «обамовских» бумажек нашего времени.

– Туше, мисс Мэри, – сказал я. – О таком варианте развития событий я и не подумал. Проповедь мира может оказаться особо внушительной, если ее ведет полуобнаженная хорошенькая девушка в полном обвесе рейнджерской или штурмовой экипировки. Займитесь-ка вы этим делом на пару с мисс Зул бин Шаб. Среди нас никто лучше нее не разбирается в вопросе охмурения человеческих самцов. Заодно проверим мистера Хефнера на толерантность. Если его не шокирует взрослая деммка, тогда и все остальное пройдет на ура. Будем считать это вашим совершенно самостоятельным заданием, ибо мне будет совершенно не до того, чтобы вникать в разные мелочи. Договорились?

– Да сэр, договорились, – ответила довольная Мэри, на чем совещание завершилось.

3 января 1976 года, два часа ночи, Подмоскowie, поселок Заречье, госдача Брежнева

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский

Новый, тысяча девятьсот семьдесят шестой год Москва встречала обильным снегопадом при околонулевых температурах. Город был завален снегом, и уборочная техника едва справлялась даже с расчисткой трассы Кутузовский проспект – Можайское шоссе (гладкой и прямой, как взлетная полоса), по которой так хорошо гонять на представительском «Мерседесе» S-класса, за семь с половиной секунд разгоняющегося до ста километров в час. В прежние времена, до последнего инсульта, Брежнев и сам садился за руль, чтобы испытать упоение скоростью и мощностью мотора. Но последние несколько дней машины кортежа из ЦКовского гаража не выгоняли: испытывая легкое недомогание, Генсек провел это время в полудреме перед телевизором.

А где-то после полуночи третьего числа (совсем неурочное время) на государственной даче поднялась необычайная суета. На территорию объекта одна за другой приехали несколько роскошных импортных машин; охрана, даже на невооруженный глаз, усилила бдительность, и тут я понял, что вся это собачья свадьба неспроста. Чутье, развившееся у меня за два с половиной года похода по мирам, подсказывало, что происходит нечто экстраординарное, и если немедленно не взять ситуацию в свои руки, то потом можно жестоко пожалеть. Если, как говорит Бригитта Бергман, этот мир сам собой вышел из Основного Потока только в силу возникновения постоянных Врат, пуповиной связывающих его с миром сорок первого года, то

и коллизии со здоровьем «дорогого» Леонида Ильича, благополучно разрешившиеся в нашем прошлом, тут могут закончиться самым неожиданным и печальным образом.

Но мгновенно такие дела не делаются: чтобы собраться и выступить, тоже нужно время, да и локализовать спальню Брежнева, где происходили все события, тоже требовалось, чтобы потом в незнакомом строении не чувствовать себя слепыми котятками. Ее мы и накрыли Пологом Тишины, а на остальную территорию госдачи и ближайшие окрестности обрушили мощнейшее акустическое сонное заклинание Птицы, усыпившее и солдат КГБ на постах охраны, и цепных псов в будках, и даже вечно недовольных ворон на ветвях деревьях. До собак и ворон мне дела нет, а вот солдатиков я приказал с территории собрать и занести в теплую караулку, заодно освободив от всего стреляющего. А то как бы чего не вышло.

Но все самое важное происходило в спальне у Брежнева, и именно это событие среди ночи притащило к нему на дачу так называемое «малое Политбюро»: Суслова, Андропова, Устинова и Громыко. Эти люди сейчас стояли в углу спальни скорбными траурными изваяниями, в то время как врачи под руководством профессора Чазова при помощи переносного дефибриллятора и непрямого массажа сердца боролись за жизнь вождя второй по силе сущей сверхдержавы на планете... и, как мне кажется, проигрывали эту борьбу.

И тут же по другую сторону кровати, напротив прихвостней и подхалимов, стояла супруга Дорогого Леонида Ильича, в отчаянии заломив руки. Она и в печали, и в радости прожила со своим мужем пятьдесят лет, родила двоих детей, прошла все ступени его карьеры – от «бедного студента» до генерального секретаря ЦК КПСС, стоические переносила старческий сатириаз своего стареющего супруга, до первого инсульта не пропускавшего, по словам свидетелей и очевидцев, ни одной юбки, и старалась сделать так, чтобы в его доме все было устроено так, как он привык. Она никогда ни на что не претендовала и ни во что не вмешивалась, за исключением одного вопроса. Виктория Петровна была страстной любительницей фигурного катания, и благодаря ей в Советском Союзе развилась школа по этому виду спорта на уровне «впереди планеты всей», а соревнования фигуристов по советскому Центральному Телевидению неизменно показывали только в прайм-тайм.

Там, в нашем прошлом, невнятно бормочущий полутруп Генерального секретаря прожил еще шесть лет, ввел войска в Афганистан, пережил Московскую Олимпиаду, довел эпоху своего имени до маразма и стал первым участником гонок генсеков на катафалках. Однако в этом мире он может уйти в небытие прямо сейчас, потому что, насколько я понимаю, оставившееся сердце никак не хочет запускаться вновь, портативный кардиограф на прикроватном столике выписывает на бумаге прямую линию, хотя врачи все не оставляют своих усилий вернуть этого человека к жизни.

Наблюдать дальше через просмотровое окно, с риском получить на руки труп Дорогого Леонида Ильича, уже не было никакой возможности. Поэтому я открыл полноценный портал, и вместе со мной внутрь шагнули Кобра, Птица, Колдун, Анастасия и Бригитта Бергман, а уже за нашими спинами в спальню проникли первопризывные амазонки в полной боевой экипировке. Глаза у членов Политбюро, а также незаметной, как тень, супруги Брежнева при виде этой картины расширились, как у героев японской мультипликации. Но это было еще далеко не все: за изголовьем брежневской кровати объявилась наша малышка Лилия.

– Замерли все! – скомандовала она, положив ладони на виски пациенту.

Все присутствующие, в том числе суесящиеся возле умирающего врачи, оставаясь в полном сознании, застыли в самых нелепых позах. Особенно глупо и смешно выглядел молодой врач, вздевший вверх электроды дефибриллятора, но так и не приложивший их к обнаженной груди Генерального секретаря ЦК КПСС. Тем временем магическим зрением я видел, что с пальцев Лилии с частотой шестьдесят раз в секунду, стекают энергетические импульсы, пробегая по нервной системе пациента и зажигая в районе сердца светящееся энергетическое кольцо. Вот кардиограф неуверенно пискнул, а перо самописца вычертило зубец сердечного

сокращения. Почти сразу же писк повторился, а потом еще и еще. Брежнев вытянулся, глубоко вздохнул... и его сердце забилося в ровном ритме. Лилия еще немного подержала ладони у него на висках, а затем убрала их в стороны.

– Ну вот и все, – сказала она, отирая с чела трудовой пот. – Отмерли все. Пациент жив, хотя и серьезно нездоров. Но с этим мы еще будем разбираться. Самое главное – от него удалось отогнать Харона вместе с его веслом. Но ужас, ужас, ужас, до чего этот человек себя довел! С таким набором сердечно-сосудистых заболеваний продолжать пить ведрами спиртное и курить подобно ковбою Мальборо было недопустимо. Ковбоев в Америке как тараканов за печкой, а вот генеральный секретарь у Советского Союза один. Все прочие претенденты на его должность достойны только заматывания под коврик и тщательного утаптывания ногами.

Чазов, которого попустило вместе с остальными, бросил напряженный взгляд на равномерно попискивающий кардиограф, потом – на похрапывающего во сне Брежнева, и только затем – на странную девочку в белом докторском халате, которая только что играючи, одним наложением рук, сделала то, что не удавалось реанимационной бригаде. И в то же время деятели из Политбюро, с испугом воззрившись на недружелюбно оскалившихся амазонок в псевдосоветской экипировке, сначала неуверенно, а потом все быстрее и быстрее стали поднимать свои грабли вверх, а глаза, напротив, опускать долу. Надо было перед делом сменить им знаки различия на форме с армейских на ГБ-шные, но и так получилось очень неплохо.

«Есть сведения, Серегин, – шепнула мне энергооболочка, – что в самом начале семьдесят шестого года Леонид Брежнев перенес клиническую смерть, после чего стал совсем никакой. Тебе не кажется, что это оно и есть? А то вдруг мы опоздали?».

– Лилия, – сказал я, – будь добра, проверь, сохранились ли у товарища Брежнева когнитивные функции, и если да, то в какой степени.

Лилия несколько раз провела руками над головой пациента и сказала:

– Пипец, папочка! Я бы не сказала, что это растение, ибо память сохранилась почти в полном объеме, но вот когнитивные способности уменьшены существенно, примерно до уровня пятилетнего ребенка. Этот человек все знает, всех помнит, но совершенно не представляет себе, что нужно делать в той или иной ситуации. Некрозы мозговой ткани, вызванные прошлыми инсультами и недавним болезненным состоянием пациента, я ему залечила даже без применения живой воды, но вот информация, хранившаяся на этих участках, теперь утеряна безвозвратно.

– Господи! – воскликнул я. – Опять мы опоздали!

– Не кручинься, Серегин, – сказала мне мелкая божественность. – Скорее всего, распад личности этого человека начался еще после первого инсульта чуть больше года назад, а сейчас этот процесс только принял законченную форму. Успей мы чуть раньше, и сдвиг в нужную сторону оказался бы в любом случае недостаточным для твоих целей. Того Брежнева, который, несмотря ни на что, привел Советский Союз на вершину исторического развития, в этом мире нет уже больше года. Хотя кому-то это, наверное, удобно – манипулировать плохо говорящей куклой, ее руками убирать с пути своих врагов и ни за что при этом не отвечать.

– Да, – подтвердила Бригитта Бергман, – так и есть. Собравшиеся здесь члены Политбюро напропалую пользовались этой возможностью, но самым ушлым в этом направлении был гражданин Андропов, у которого, как я вижу, имеется какой-то уголовный компромат даже не на самого товарища Брежнева, а на кого-то из его родственников. Также я вижу, что все присутствующие грешны выше всякой меры, и место им, кроме двоих самых полезных персонажей, не во главе партии и государства, а прямо у расстрельной стенки.

– И что нам теперь делать? – спросил я. – Мочить тут всех и начинать с чистого листа – не вариант. Тихой работы тогда не получится, да и подходящей кандидатуры Преемника в составе Политбюро не имеется, ибо таких людей, не мытьем так катанием, из политического

процесса устраняет сама Система, и появиться в ней они могут только случайно, на фоне больших невзгод.

«Кажется, Сын Мой, тебе смогу помочь я, – громыхнул у меня в голове голос Небесного Отца. – Есть тут у меня одна неприкаянная душа, которую и в ад отправлять не за что, и в раю она на стену полезет. Такой, понимаешь, живчик. Это все тот же Леонид Брежнев, относительно недавно померший в одном параллельном вам искусственном мире, но с немного другим, можно сказать, уникальным жизненным опытом. Есть мнение, что для выполнения этого задания он будет тебе в самый раз. А то, что в том теле сохранилась память прежнего Брежнева – так то только к лучшему. Меньше времени потребуется на вращение в ситуацию».

«Постой, Отче, – ошарашенно подумал я, – это случайно не тот мир, откуда турнули херра Тойфеля вместе с его тевтонами?».

«Тот самый! – довольно хмыкнул Небесный Отец. – А друга-наставника нашего пациента, привившего ему самые правильные манеры поведения, зовут генерал бронетанковых войск Вячеслав Николаевич Бережной. Сейчас небольшое напутствие перед заданием – и он твой».

Минуты три ничего не происходило, потом Брежнев вдруг открыл глаза и рывком сел на кровати, безошибочно вдев босые ноги в тапки. Врачи, во главе с Чазовым, даже, кажется, позабыли, как дышать.

– Вот она, значит, какая – жизнь после смерти... – сказал Брежнев, оглядываясь по сторонам, как человек, вдруг проснувшийся в незнакомом месте. – Подумать только – теперь я Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза!

– Каждый из нас, – сказал я, – должен сражаться на том рубеже, куда его поставила судьба.

– Тоже верно, – хмыкнул обновленный Брежнев, из речи которого напрочь исчезли дефекты речи, вроде «многосисечных масс» и «сосисок сраных». – А вы, насколько я понимаю, товарищ Серегин, дважды член ЦК партии большевиков, Бич Божий для всяческих негодяев, Защитник Земли Русской и самовластный Артанский князь?

– Так точно, товарищ Брежнев, – ответил я.

– А я, значит, буду для вас просто Лёня, – ответил Брежнев. – А для всех остальных, значит, я товарищ Генеральный секретарь или, в крайнем случае, дорогой Леонид Ильич. Ха-ха-ха! – Его глаза блестели торжеством и жизненной силой.

– Пипец... – сказала Лилия, склонив голову и сунув кулак в рот. – Дядюшка опять в ударе. Второй раз такое вижу – и все равно мороз по коже...

Брежнев повернул голову на голос и спросил:

– А вы, девушка, кто такая будете?

– Я, – ответила наша мелкая божественность, – Лилия, дочь Венеры-Афродиты, богиня первой подростковой любви, и мне уже больше тысячи лет. А еще я талантливый врач-любитель, ибо на истинном Олимпе всю медицинскую поляну за столбил за собой Асклепий с семейкой. Он лечит людей и богов дорого и плохо, чтобы они приходили к нему еще и еще, а я лечу хорошо и бесплатно, и считаю недоработкой, когда один и тот же пациент приходит ко мне второй раз, если только вначале это не была заплата экспресс-методом на скорую руку. За это дядюшка (вы, смертные, зовете его Богом-Отцом, Творцом Всего Сущего и Генеральным конструктором Мироздания) присвоил мне почетное звание Святой Лилии-целительницы. Мозг этого тела был сильно поврежден, и я на месяц-два залечила его как раз при помощи своих магических экспресс-методов, потому что для обычных способов у моего приемного отца Серегина просто не было времени. Вы, мужики, все такие безответственные: готовы месяцами, махая шашкой, бегать на временной заплатке, пока та у вас совсем не развалится. Поэтому, когда уляжется весь этот шум-гам, вам понадобится пройти у меня в Тридесятom царстве курс стационарного санаторного лечения и получить заряд сил и бодрости как минимум на четверть века. И вашей супруге тоже я рекомендую процесс полного излечения от одолевающих ее неду-

гов и для радикального омоложения. В своем исходном виде она та еще красавица, умница, спортсменка и хорошая хозяйка, так что вы и думать забудете бегать налево...

В это момент кастрюлька в голове профессора Чазова вскипела и выбила паром крышку.

– Девчонка!!! – пронзительным фальцетом вскричал он. – Да как ты смеешь говорить всякую ерунду при взрослых и, самое главное, образованных людях?! Никакого бога нет, и магии тоже нет, все это шарлатанство и обман народа!

Но орать на Лилию бывает себе дороже. Щелк – и профессор застыл в нелепейшей позе, со вздетой вверх правой рукой и раззявленным в неслышном крике слюнявым ртом.

– Возраст, наличие высшего образования и даже ученой степени – это еще не признак ума в широком, так сказать, смысле, – назидательно сказала мелкая божественность, задрав вверх указательный палец. – Прежде о том, что Бога нет, заявляли только разные отморозки, которые потом плохо заканчивали. Что касается магии, то она как нефть. В каких-то местах ее нет совсем, хоть ты докопайся до самого центра Земли, в других она сама сочится на поверхность и образует лужи и даже целые озера. Тут, в верхних мирах, магии не хватит даже на обычный цирковой фокус, и ваш иллюзионист Игорь Кио творит свои чудеса исключительно при помощи ловкости собственных рук и людской невнимательности, зато у нас в Тридесятом царстве, закопанном глубоко в толщу времен, магии так много, что она буквально бьет фонтаном из земли. Там, находясь в своей стихии, я могу совершать то, что вам кажется невозможным: возвращать молодость старикам, заставлять прозреть слепых и заново отрачивать утраченные в бою конечности. И делаю я это не ради какой-то материальной выгоды, а потому что мне приятно видеть, как выздоравливают люди, страдавшие различными недугами. Впрочем, врачи-профессора цивилизации пятого уровня способны добиться почти того же и без всякой магии, одним лишь применением своих продвинутых диагностических и лечебных аппаратов...

Оживший Брежнев (о том, кто это такой на самом деле, знают только я, он сам да Небесный Отец) почесал безволосую грудь, зевнул и спросил:

– Товарищ Лилия, а что такое цивилизация пятого уровня?

– Чтобы понять это, товарищ Брежнев, надо начать с начала, – с серьезным видом произнесла наша мелкая божественность. – Цивилизация первого уровня в своих производственных и транспортных процессах использует только мускульную силу людей, и ничего более. Такими были исчезнувшие в вашем мире цивилизации ацтеков, майя и инков. Цивилизация второго уровня вдобавок к мускульной силе людей использует упряжных и верховых животных, а также дующий повсюду ветер и текущую речную воду. Таковыми были все ваши цивилизации прошлых времен, начиная от древнего Египта и Вавилона и заканчивая Европой, вплоть до середины девятнадцатого века. Цивилизация третьего уровня во главу угла ставит сжигание ископаемого топлива – сначала в паровых машинах, а потом и в двигателях внутреннего сгорания. Контроль над атомной энергией, космические полеты в околоземном пространстве и управляемый термоядерный синтез добавляют к этой цифре по одному плюсу. Но даже если вы увещаете все окрестности своей планеты космическими спутниками самого разнообразного назначения, это все равно будет только третий базовый уровень. Четвертый уровень начинается тогда, когда человечество отрывается от поверхности родной планеты и начинает экономически осваивать свою солнечную систему, перенося на безжизненные луны и планеты все формы добычи минерального сырья и его первоначальную обработку. Ключевая технология для выхода на данную высоту – достигнутый на третьем уровне управляемый термояд, ибо при помощи двигателей на химическом топливе эта задача нерешаема в принципе. Пятый уровень начинается тогда, когда цивилизация овладевает методами прямого преобразования массы в энергию и прокола трехмерной метрики, что подразумевает отсутствие энергетических ограничений и почти мгновенное перемещение в межзвездном пространстве. Вот это и есть пятый уровень цивилизации, как он есть.

– Мудрено, товарищ Лилия, но интересно, – хмыкнул Брежнев. – Примерно как в романах у писателя Ефремова³... Скажите, а эти самые цивилизации четвертого или пятого уровней действительно где-то существуют в природе, или все это только теоритические построения, экстраполяции из известных нам трех технических уровней?

Супруга Брежнева, Виктория Петровна, даже забыла как дышать. Её Лёня, который еще пару часов назад не мог без посторонней подсказки связать и двух слов, теперь говорил четко и внятно, без малейших затруднений. И в то же время это был все тот же Брежнев, с его интонациями и артикуляцией, просто одномоментно помолодевший на двадцать лет. Поняли это и профессор Чазов с ассистентами, и «соратники» по Политбюро. Устинова и Громыко это открытие даже несколько обрадовало: к породе кукловодов эти люди не принадлежали изначально. Черненко прикидывал, как будет строить отношения со столь внезапно изменившимся «другом», а вот Суслова и Андропова сия метаморфоза напугала и даже разозлила. Всесильный председатель КГБ даже уже начал прикидывать, при помощи каких методов он в самые кратчайшие сроки дискредитирует и скинет со своей должности внезапно оздоровившегося генсека, натравив на него какую-нибудь шелупонь. Ведь был уже похожий случай, когда человек, метивший на место преемника стареющего генсека, Александр Шелепин, был сперва дискредитирован во время визита в Англию демонстрацией протеста, набранной агентами КГБ из всякого сброда, а потом на очередном пленуме ЦК торопливо отправлен в отставку руководить профессионально-техническим образованием. Что касается Суслова, то, услышав фамилию «Ефремов», он чуть не задохнулся от злости. Сколько душевного яда, желчи, мочи и кала было истрачено им в идейной борьбе с этим и другими писателями, пережитками эпохи сталинизма – и вдруг сам Генеральный секретарь говорит о романах этого автора со знанием дела и оттенком одобрения. Что при этом подумал Чазов, понять было невозможно из-за его скованного положения, – впрочем, желание бунтовать и протестовать в нем уменьшилось до нуля.

Но тут мелкая божественность продолжила свои дозволенные речи, и настроения у окружения генсека претерпели дальнейшие метаморфозы.

– Совершенно случайно, – с нескрываемой гордостью произнесла Лилия, – у моего приемного папочки Серегина завалялся галактический линкор планетарного подавления «Неумолимый», принадлежащий как раз цивилизации пятого уровня. Нашел он его, считай, на помойке, приговоренным к списанию по причине ненужности, но так как настоящие руководители такие вещи не выбрасывают, принял у его команды присягу и начал процесс восстановления этой самой ценной своей подвижности до полностью боеготового состояния.

– Да, это так, – подтвердил я, – и это изделие сумрачного неоримского технического гения, предназначенное к тому, чтобы дотла сжигать планеты со всем их населением или, прорывая планетарную оборону, выбрасывать на поверхность десантный корпус, идущий в авангарде армии вторжения, можно пощупать своими руками, а не только послушать о нем разговоры. Также руками можно пощупать и нашу главную базу в Тридесятom царстве со всеми ее чудесами, посетить тамошний госпиталь, где сейчас проходят лечение раненые советские бойцы и командиры из мира тысяча девятьсот сорок первого года, в котором сейчас моя армия ведет активные операции на фронтах Великой Отечественной войны. Лилия, будь добра, освободи товарища Чазова, чтобы тот мог ответить, согласен он на конструктивное сотрудничество или продолжит уподобляться известным французским академикам, постановившим, что камни с неба падать не могут, ибо оно не твердь.

Чазов, освобожденный от заклинания паралича, глубоко вздохнул и ответил:

³ В мире «Крымского излома» Иван Ефремов писал больше, чем в нашем прошлом, и к тому же эти произведения были пронизаны иным мироощущением.

– Да, я согласен на конструктивное сотрудничество, особенно если все, о чем тут шла речь, можно будет пощупать руками, а процесс оздоровления и омоложения Леонида Ильича и Виктории Петровны будет проходить под моим непосредственным наблюдением...

– В вашем пожелании нет ничего невозможного, – ответил я. – Теперь слово только за товарищем Брежневым.

– У вас, товарищ Серегин, имеется какой-то конкретный план, или все, что сейчас происходит, является одной сплошной импровизацией? – с интересом спросил генсек.

– А вот об этом нам стоило бы поговорить наедине, без многочисленных свидетелей, – ответил я, делая шаг вперед и накрывая себя и Брежнева пологом тишины. – Сначала это действительно была импровизация, с целью не допустить, чтобы тело вашего реципиента вдруг взяло и внезапно умерло. В силу неумеренного потребления алкоголя и курения износ у него был весьма солидный, так что летальный исход не исключался. Но после того, как к нам прислали вас, из хаоса импровизации начал створаживаться определенный план. Во-первых, все присутствующие, за исключением товарища Черненко, сейчас отбывают с нами на базу в Тридцатом царстве. Ваше тело, несмотря на примененные моей дочерью экспресс-методы, необходимо немедленно начать серьезно лечить, а Виктория Петровна должна начать процесс своего оздоровления и омоложения. Вас мы тоже омолодим, но по-особому, когда внешность остается как у солидного мужчины в возрасте за сорок, а внутри – железное здоровье двадцатипятилетнего юноши, и жировые складки заменены на стальные мускулы. В дальнейшем вы днем будете вести активную политическую жизнь, а вечером из этой спальни отправляться в наш госпиталь для прохождения лечебно-омолодительных процедур, совмещенных с крепким и здоровым сном. Другие товарищи тоже без дела не останутся. Товарищ Чазов в качестве наблюдателя за этим процессом будет повышать у нас свою врачебную квалификацию. Товарищ Устинов отправится знакомиться с «Неумолимым». Товарищ Громыко приготовится вести предварительные переговоры с товарищем Сталиным из сорок первого года. Товарищ Андропов попадет в жернова моей службы безопасности, чтобы та выжала из него все зловонные тайны до последней капли, а товарищ Суслов, пустой, как кукла из папье-маше, своей окаменевшей тушкой пополнит имеющуюся у меня коллекцию моральных уродов, начало которой положили изъяты из мира восемнадцатого года Троцкий, Свердлов, Зиновьев, Каменев и другие.

– Сказать честно, – тихо сказал обновленный Брежнев, – по прежней жизни мне известны только товарищи Устинов и Громыко, к которым я испытываю определенное уважение. А остальные трое мне просто незнакомы. Реципиент их, конечно, знает, но во всей этой мешанине сведений я пока еще не разобрался, а сам он испуганно забился в угол и молчит, не понимая, что я – это тоже он. Кто, например, такой этот товарищ Черненко?

– По должности он руководитель секретариата ЦК, человек исполнительный, но очень недалекий, – ответил я. – Будет вести себя хорошо – организуем ему оздоровление и омоложение, как и вам, а также должность в соответствии с трудовыми талантами. Не думаю, что при этом возможны какие-нибудь взбрыки. Не тот это человек. Если считать на круг, то до понедельника, когда должно состояться историческое заседание Политбюро, на котором вы возьмете вожжи в свои руки и погоните Клячу Истории по неторному пути, у нас есть еще двое суток и несколько часов в придачу. Это не так уж и много, но надо успеть. К тому же нам, большевикам, никто и не обещал легкого достижения целей.

– Ну хорошо, – кивнул Брежнев, – такая прогрессивная программа мне нравится. Посмотрим в вашем Тридцатом царстве на все собственными глазами, пощупаем собственными руками, и только потом будем делать окончательные выводы. Я так решил – и точка.

**14 июля 1941 года, полдень, Белосток, дворец Браницких
Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский**

Перед расставанием я при полном одобрении Леонида Ильича кратко объяснил остающемуся на хозяйстве товарищу Черненко задачу сидеть на хозяйстве и отвечать, что товарищ Брежнев убыл в поездку для поправки здоровья до понедельника, а также политику партии и правительства и его собственные жизненные перспективы. Генеральным секретарем в этой версии истории ему не быть, зато проживет на тридцать-сорок лет дольше и не будет испачкан в причастности к крушению Советского Союза. Да и крушения самого не будет, потому что мы с Лёней этого не допустим.

А дальше – все по расписанному заранее протоколу. Леонида Ильича и его благоверную передали в руки товарища Максимовой для уточнения диагноза и назначения курса лечения в режиме «ночной санаторий». А по-другому никак. И делами заниматься требуется, и тело у товарища Брежнева изношено до последней крайности. Когда я узнал, в какие сроки помер донор, чью душу Небесный Отец прислал на замену в опустевшее тело, то премного удивился. Оказалось, что «просто Лёня» лишь самую малость не дожил до своего девяностодевятилетнего юбилея и до самого конца не пил, не курил и занимался спортом, разумеется, в меру возрастных особенностей. Прожил бы, наверное, и дольше, но свалила его в постель банальная вирусная инфекция, и встать после нее тамошнему Леониду Ильичу было уже не суждено. Так его врачи в возрасте восьмидесяти лет и предупредили, что чудес не бывает: живешь, пока держишь себя в тонусе, а как лег, так сразу, считай, и помер. Сам он мне признался, что в теле реципиента чувствует себя как под полной выкладкой осназовца-штурмовика, и как только будут решены самые крупные медицинские проблемы, примется вгонять его в привычные габариты. Лилия, конечно же, такой программе высказала свое полное одобрение. Бесплезно бывает целить человека, если он сам наплевательски относится к собственному здоровью.

Впрочем, в оздоравливающе-релаксирующую ванну угодили не только Леонид Ильич со своей Викторией Петровной, но и товарищи Устинов, Громыко и даже Чазов (должен же главный советский терапевт, которому тоже далеко за сорок, на себе ощутить живительное воздействие воды Фонтана и те изменения, что он дарит организму). Впрочем, занимался всеми этими вопросами не я, а Лилия и товарищ Максимов. При этом мне лично следовало находиться в Белостоке сорок первого года во дворце Браницких, ибо самые разные резкие телодвижения со стороны германского командования не исключались. Мало ли какая вожжа попадет под хвост непризнанному художнику или одному из его клеветов.

Утром товарищ Максимов выпустила гостей из ванн. Устинова после завтрака забрала моя Елизавета Дмитриевна для знакомства с «Неумолимым». Представляю шок у старого сталинского волка, когда при проходе через шлюзовую камеру виртуальный дежурный во всю мощь динамиков внутренней трансляции заорал: «Смирно! Государыня-императрица на борту!». Так и до знакомства с гражданином Кондратием недалеко. Тем временем Громыко вместе с Брежневым через временный портал перешли ко мне в мир сорок первого года, а товарищ Чазов остался в госпитале тридесятого царства для повышения квалификации. Впрочем, самое интересное – то есть знакомство с Валерией Доминикой с «Неумолимого», а также докторами Авило Аарон и Чиек Деном из Аквилонии – у советского медицинского светила еще впереди.

Здесь, в Белостоке, я выделил провожатых и выпустил товарища Громыко в окружающую среду пропитаться духом времени, так как его присутствие при моем откровенном разговоре с обновленной версией Брежнева мне было нежелательно. В идеале в том мире никто из аборигенов (быть может, за исключением родной супруги) не должен знать, что товарищ Брежнев – это немножко больше, чем кажется на первый взгляд. Иное чревато крайне нехорошими последствиями. Крика о том, что Генеральный секретарь не настоящий, нам не надо. Напротив, обновленный Леонид Ильич должен стать воплощением всех тайных и явных мечтаний многомиллионного советского народа.

Ну и, попивая крепкий чаек, поговорили о ходе того варианта войны, о послевоенном устройстве Европы и СССР (я с удивлением узнал, что там это одно и то же, о послевоенной политике и о том, кто стал генеральным секретарем после товарища Сталина. Василевский, Черняховский – а дальше ни одной знакомой фамилии. Первый космонавт, как и у нас, Юрий Гагарин, а второй – никакой не Герман Титов, а Василий Сталин. И он же – принц-консорт того, что осталось от Британской империи, супруг королевы Елизаветы, а также гордость и любимец всея Британии, ставшей ассоциированным членом Советского Союза... Кстати, по поводу дворца Браницких «просто Лёня» сказал мне, что это место ему хорошо знакомо. Именно тут базировался штаб их мехкорпуса ОСНАЗ всю первую половину сорок третьего года, до икоты пугая Гитлера своим присутствием на Берлинском направлении, в то время как основные события вершились на юге Европы. С треском схарченная Турция, а также Болгария, Румыния, Греция, Венгрия, Югославия, Италия и десант на пляжи Марселя стали возможны потому, что основные свои резервы Гитлер до последнего момента старался держать в Польше, опасаясь рывка прославленных советских бронированных армий прямо на столицу Третьего Рейха.

Появилось у меня подозрение, что прислали мне эту версию Леонида Ильича не только для нормализации мира семьдесят шестого года, но и для того, чтобы в сорок первом году обрисовать товарищу Сталину контуры правильного послевоенного мироустройства. Из того мира не только турнули херра Тойфеля с его тевтонами – там и в двадцать первом веке, как и встарь, Красная Армия всех сильнее от японских до британских морей, а американцы играют в своей песочнице по ту сторону двух великих океанов. Мой собеседник, например, лет десять прослужил политическим представителем при Советском Наместнике в Японии генерале Бережном. Так сказать, соревнование двух систем при равенстве экономических потенциалов. Сначала это соревнование было мирным, в рамках плана «Совладение», но потом, после того, как Советский Союз «освоил» Европу, американская Заокеанщина стала ощутимо отставать экономически, проседая в качестве жизни, после чего ее элиты взбрыкнули и разорвали советско-американский пакт о разделе мира. И вслед за тем случилась революция на Кубе, и тогда выученики адмирала Ларионова повели советские эскадры на прорыв американской морской блокады Острова Свободы. Так, после скоротечного конфликта, закончившегося мирными переговорами, в сферу американского влияния в Латинской Америке был вбит первый красный клин.

И в то же время преемники товарища Сталина жесточайшим образом карают своих американских оппонентов за пересечение разграничительной линии и попытку вторгнуться на советскую половину мира – хоть в Африку, хоть в Азию. Стоит авианесущей группировке или даже отдельному эсминцу пересечь невидимую черту в океане – и без предупреждения следует залп гиперзвуковых противокорабельных ракет из-под воды или с воздушных носителей, после чего выживших добивают бомбоштурмовым ударом авиации с ближайших береговых баз. И никаких особых последствий от таких эксцессов не бывает, потому что Советский Союз не окружен по периметру кольцом вражеских баз и имеет над геополитическим противником ощутимое превосходство во всех видах вооружений...

В самый разгар этого разговора со мной на связь через «портрет» вышел товарищ Сталин и поинтересовался, не прибыл ли еще товарищ Милевский. Я ответил, что пока нет, но зато прямо у меня здесь сидит товарищ Брежнев собственной персоной и гоняет чай. Но только это немного не тот Брежнев, какого мы ожидали встретить, но так будет даже интереснее.

Советский вождь был заинтригован. Он уже отдал приказ разыскать местный прототип этого человека и внимательно рассмотреть его со всех сторон – и тут такой сюрприз. Немного подумав, товарищ Сталин сообщил мне, что ради такого случая он не будет дожидаться прибытия генерала Милевского, а просит открыть ему портал во дворец Браницких прямо сейчас. Что я и сделал.

Раз-два – и лучший друг советских физкультурников уже здесь.

Увидев входящего Виссарионовича, Брежнев в необмятой еще артанской форме с генерал-лейтенантскими⁴ погонами, вскочил с места и гаркнул во всю глотку:

– Здравия желаю, товарищ Верховный Главнокомандующий!

Вот что значит происхождение из ментально здорового мира, в котором не было хрущевщины и прочих самоубийственных для Советского Союза негативных явлений.

Сталин посмотрел на будущего партнера по переговорам Истинным Взглядом и сказал:

– Садитесь, товарищ Брежнев, и не надо передо мной так тянуться. Ведь мы сейчас в равном положении. Я Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) и вы Генеральный секретарь ЦК КПСС. А сейчас мы хотели бы знать, почему товарищ Серегин назвал вас немного не тем товарищем Брежневым. Вроде никакого подвоха я не вижу, ведь вы и в самом деле тот, за кого себя выдаете, но что-то такое неправильное в вас чувствуется...

Немного помявшись, тот ответил:

– Дело в том, товарищ Сталин, что я действительно Леонид Ильич Брежнев, но только, как выражается товарищ Серегин, из совсем другого мира. Там, у себя, я жил как все: воевал, когда потребуется, потом служил Родине там, куда поставила Партия, потом вышел на заслуженную пенсию, но никогда даже не думал о должности Генерального секретаря. Ну не мое это, и точка. И вот однажды там, у себя, я помер во вполне преклонном возрасте девяноста девяти лет, но не попал ни в ад, ни в рай, а однажды очнулся вот в этом теле, получив напутствие Свыше поступать только по совести и краткую инструкцию по поводу того, кто есть кто.

– Когда мы пришли на дачу к товарищу Брежневу знакомиться, то нашли это тело в состоянии клинической смерти, – пояснил я. – Худший исход нам предотвратить удалось, но при беглом послеоперационном обследовании выяснилось, что в результате нескольких инсультов и той самой последней клинической смерти мыслительные способности товарища Брежнева уменьшились чрезвычайно. И хоть нам удалось залечить все органические повреждения мозговой ткани, в теле Генерального секретаря обитал впавший в детство старик, которого всюду надо водить за ручку. И кукловоды-манипуляторы стояли тут же, рядом, приготовившись делить власть над остывающим трупом. Кто станет председателем комиссии по организации похорон почившего генсека – того и тапки покойного, то есть власть. И тогда мой Патрон прислал действительно серьезное подкрепление – Леонида Ильича Брежнева из одного искусственного мира, где славно погусарствовали засланцы из будущего, обычно именуемые Старшими Братями. Этот товарищ Брежнев, к примеру, во время войны и несколько лет после состоял комиссаром при человеке, которого в мире моей супруги чопорные англичане именовали Военным Лордом Пришельцев... И тот же человек в мире полковника Половцева известен как создатель и первый командующий регулярной Красной Гвардией.

– У нас, – сказал Брежнев, – Вячеслав Николаевич стал создателем и идеологом применения механизированных войск особого назначения, по скорости продвижения в чистом прорыве в полтора-два раза превосходящих германские танцergруппы. Ух, и погуляли мы с ним по германским тылам... Сначала, в январе-марте сорок второго года, это была экспериментальная отдельная тяжелая механизированная бригада, большая часть техники которой была из две тысячи двенадцатого года, а меньшая была подобрана в трофеях или отобрана из лучших советских образцов. А уже к лету ее уже развернули в корпус, который укомплектовали новейшей техникой, в кратчайшие сроки созданной на основе информации из будущего. В летнюю кампанию сорок второго года таких мехкорпусов у Советского Союза было только два, к зиме их стало уже шесть, а к осени сорок третьего года немцы закончились...

– А пачему? – спросил удивленный Сталин. – В той истории, которая была в прошлом товарища Серегина, война шла почти четыре года, а вы управились за два года с небольшим...

⁴ В Основном Потоке товарищ Брежнев дослужился только до генерал-майора, но в мире «Крымского излома» он комиссарствовал в Японии не снимая погон, отсюда и более высокое звание при выходе в запас.

– А потому, товарищ Сталин, что воевали по-другому, – кротко глядя на Виссарионыча, ответил «просто Лёня», – не числом, а умением и качественным превосходством на решающих направлениях. И дураков в высоких чинах, любивших поколотить в бетонную стену растопыренными пальцами, там вы четко определили: кого в овраг и расстрелять, кого в глубокий тыл на вещевом складе подштанники пересчитывать. Это, если что, я о товарище Тимошенко, кидавшем красноармейцев с винтовками на насыщенную пулеметами и артиллерией полевою оборону германской пехоты. Месяц таких атак – и новенькие, только что сформированные по мобилизации, стрелковые дивизии стачивались наполовину, при полном отсутствии выполнения задачи. Духовщинская операция была от меня далеко, а так называемые контрудары в полосе Южного фронта я наблюдал собственными глазами. Бить во вражескую оборону следует не растопыренными пальцами и даже не голым кулаком, а тяжелым ломом гаубичной артиллерии РГК, уплотненной до показателя двести орудий на километр фронта прорыва, или, в крайнем случае, «адским жупелом»...

– Чем-чем? – переспросил ошарашенный лучший друг советских физкультурников. – Каким еще адским жупелом?

– Это, товарищ Сталин, – ответил чрезвычайно довольный Брежнев, – такая наша отечественная система вооружения, основанная на применении сверхтяжелых реактивных снарядов залпового огня. В первом залпе к цели прибывает большое количество реактивных снарядов, снаряженных прямогонным бензином, и по команде американских радиовзрывателей, инициирующих вышибные заряды, распыляют свою начинку на высоте от пяти до восьми метров. Получается единое бензовоздушное облако высотой десять-двенадцать и шириной двести-триста метров, протяженность которого определяется только количеством установок, вытянутых вдоль линии фронта. Во втором залпе, плотность которого может быть значительно меньше, к цели прибывают обычные осколочно-фугасные снаряды, детонирующие адскую смесь. Бабах! И германская дивизия, или как минимум пара полков, отправляются оформлять проездные документы прямо до ада. А в эпицентре взрыва даже хоронить потом нечего, потому что тела там превращаются в фарш, и даже минные поля на подступах к вражеским позициям детонируют безотказно. И вот тогда, пока еще не осела пыль, по центру прорыва стоит вводить механизированные части, а на флангах кавалерию, и неудержимо двигаться вперед, пока враг не опомнился и не начал стягивать к месту прорыва все доступные резервы.

Сталин посмотрел на меня и спросил:

– Товарищ Серегин, а вы что скажете?

– То, что товарищ Брежнев называет «жупелом», – ответил я, – это импровизированный боеприпас объемного взрыва, наскоро слепленный на коленке из доступных в ваше время компонентов и материалов по схеме «голь на выдумки хитра», но при этом обладающий просто запредельной мощностью. Разумеется, применение такого оружия требует длительной и трудоемкой подготовки, которую необходимо скрывать от противника, а также определенных климатических условий. Но в случае успеха результат будет выше всяких похвал – внезапный, в считанные минуты, прорыв фронта с выходом в дивизионные и армейские тылы, что называется, «шах и мат». А дальше весь вопрос в конечной цели операции, которая должна быть достойна применения подобных вооружений и вводимых в прорыв первоклассных подвижных соединений.

– Но, как мы понимаем, – хмыкнул в усы Сталин, – одним жупелом войну в два года не выиграть...

– На самом деле, – серьезно сказал Брежнев, – Германия вступила в эту войну, уже имея предельное мобилизационное напряжение и безвозвратные потери свыше полумиллиона солдат в год ей категорически противопоказаны. Каждая наступательная операция Красной Армии должны вырывать из тела вермахта клочок живой силы таким образом, чтобы ни один враг не мог вырваться из котла к своим. Отрезал – съел, отрезал – съел. При этом необходимо сде-

лать так, чтобы враг не мог догадаться, какая из двух-трех локальных операций, проводимых на разных участках фронта, является предвестником большого прорыва, а какая так и останется локальной. А для этого требуются как маскировка и сохранение секретности, так и самая беспардонная дезинформация врага, чтобы он видел то, чего нет, но не замечал реального сосредоточения наших войск. К началу зимы вам необходимо безвозвратно вывести из строя не меньше полутора миллионов немецких солдат и офицеров, и примерно столько же следует положить в ходе зимних контрнаступлений. И вот тогда к весне Гитлер окажется гол как сокол и пойдет с шапкой по союзникам и сателлитам, с просьбой подать хоть какие-то контингенты на Восточный фронт. А для этого в Красной Армии в первую очередь требуется хорошая подготовка и слаженность – как самих войск, так и их командиров. Без нее даже самое новое и совершенное вооружение оказывается обычным металлическим хламом. Разного рода генералов-засранцев, перед началом операции не успевающих развернуть на позициях приданную артиллерию, а потому посылающих бойцов в атаку без артподготовки с одними винтовками, следует немедленно снимать с должности и отдавать под трибунал. А потом решать, кого понизить в звании и использовать в качестве взводного или ротного, кого отправить в штрафной батальон, а кого и попросту расстрелять, ибо человек этот неисправим никакими нелетальными методами.

– Вы, товарищ Брежнев, говорите с полным знанием дела, – произнес Верховный. – Теперь видно, что вы совсем не тот человек, о котором мы читали в книгах, а нечто большее. Теперь осталось выяснить, намерены вы помочь нам в борьбе, так сказать, материально и непосредственным участием или останетесь сторонним наблюдателем, подающим добрые советы...

Брежнев вздохнул и ответил:

– Сторонним наблюдателем, товарищ Сталин, я остаться никак не могу, и в то же время, прежде чем я пообещаю вам что-то конкретное, мне необходимо по-настоящему взять власть в свои руки. Политбюро, там, в семьдесят шестом году, привыкло воспринимать моего реципиента как безвольную куклу, которой манипулирует его ближайшее окружение, и мне еще предстоит доказать, что это не так. А еще мне придется как-то объяснять исчезновение председателя КГБ товарища Андропова и главного идеолога Советского Союза товарища Суслова...

– Андропов, – сказал я, – является организатором и главным выгодополучателем заговора по захвату контроля над верхушкой советского руководства. Всю жизнь он шел к должности Генерального секретаря, при помощи интриг и преступлений убирая всех мало-мальски способных конкурентов, добился своего и помер через год с небольшим в должности Генерального секретаря, но созданный им клан продолжал свою разрушительную работу. Именно его протее, поднявшиеся на высшие должности в партийно-государственной иерархии Советского Союза, и стали могильщиками и коммунистической партии, и созданного Лениным первого в мире государства трудящихся. В результате все, что было нажито непосильным трудом советского народа, ушло жадным выжигам⁵, новым нуворишам, проросшим через развалины павшей страны будто вездесущий репей. Второй человек значительно мельче и примитивнее по своей сути, но именно он превратил коммунистическую идеологию в образчик слепого догматизма и пропитал все сферы советской действительности ложью и приукрашиваниями, в результате чего граждане напрочь перестали верить официальным сообщениям, предпочитая пробавляться «самой правдивой» пропагандой западных радиоголосов и циркулирующим повсюду слухам. Кому еще можно было верить, если все кругом врут и с высоких трибун и со страниц советских газет? И эта повсеместная и повседневная ложь тоже была ключевым фактором, приведшим к крушению советской системы.

⁵ Выжига (устар) – человек, сжигающий в специальной печи шитые золотом мундиры покойных генералов и высокопоставленных чиновников в расчете на получение небольшого слиточка драгоценного металла. Очень похоже на то, что проделали с советским наследием Ельцин и его миньоны, всплывшие на место обанкротившегося Андроповского выкормыша Горбачева.

Сталин выслушал меня достаточно спокойно, карандашей во время рассказа не ломал и по-грузински вслух не ругался, а когда я закончил, с эдаким специфическим интересом спросил:

– И как вы, товарищ Серегин, поступили с этими деятелями?

– Андропова приняла в разработку товарищ Бригитта Бергман, – сказал я, – и там, судя по всему, уже вырисовываются контуры наполеоновского заговора с целью захвата личной власти через насыщение Политбюро и ЦК партии «своими» людьми. О том, что он может однажды помереть и эти «свои», больше не сдерживаемые компроматом, начнут действовать каждый сам по себе и в личных интересах, фигурант даже не предполагал. Одним словом, если это не ежовщина, то что-то достаточно классово близкое. Беспринципный карьерист, возмечтавший о высшей власти – явление, к несчастью, распространенное достаточно широко. Дополнительная опасность заключается в том, что этот человек довольно давно является председателем КГБ и уже успел насытить руководство советской госбезопасности своими выдвиженцами. Нам вместе с дорогим Леонидом Ильичом еще предстоит подобрать самую правильную кандидатуру нового руководителя этого ведомства, чтобы тот вычистил все Андроповское наследие до белых костей. Что касается бывшего товарища Суслова, то в силу примитивности этого человека разрабатывать там нечего. Пустышка, она и есть пустышка. Резиновое изделие со вкусом марксизма. Насмотрелся я на таких в свое время. Поэтому гражданин Суслов занял свое законное место в галерее политических уродов между Николаем Бухариным и Адольфом Йозефом. Вот и все, как говорится, об этом человеке, до особого распоряжения. Если будет надо, то мы его разморозим и поспрашиваем, а пока это излишне.

– Через день, – сказал Брежнев, – у вас тут будет шестнадцатое число, состоится первое заседание Политбюро под моим обновленным руководством, на котором мне надо будет брать вожжи в руки и начинать процесс разворота советской страны на новый курс.

– Полностью этот процесс займет около двух месяцев, до завершения двадцать пятого съезда КПСС, после которого ничего уже не будет как прежде, – пояснил я. – Только на съезде, и никак иначе, можно будет реабилитировать честное имя товарища Сталина и его соратников, а также окончательно осудить хрущевщину, отнявшую у Советского Союза два десятилетия поступательного развития. И это решение тоже может принять только съезд. И только съезд партии может взять курс на примирение с компартиями Албании и Китая. С Югославией мириться бессмысленно, потому что тамошняя власть носит вождистский, а не идейный характер. Кончится Иосип Броз Тито – и через некоторое время после него закончится и созданная им страна. Только съезд может объявить самую широкую чистку партийных рядов от примазавшихся карьеристов, тайных и явных троцкистов, а также правых оппортунистов, сиречь низкопоклонцев перед Западом. И это тоже неизбежное явление, ибо если в эту комнату двадцать лет не будет заходить уборщица с веником и шваброй, то ее состояние станет напоминать свалку. Просто те, кто займется уборкой, в священном раже не должны хватать и выбрасывать пусть неудобных, но еще нужных людей. А прежде такое было сплошь и рядом.

– Два месяца в наших условиях – это очень долго, – сказал Сталин. – За это время немцы снова соберутся с силами, чтобы попробовать нас на прочность хотя бы на московском направлении. Товарищ Жуков, конечно, талантливый генерал, то у него еще нет того боевого опыта, как у того Жукова, который штурмовал Берлин, да и кондиции войск не в самом лучшем состоянии.

– О двух месяцах до начала поступления помощи речь не идет, – ответил я. – Первые партии устаревшей техники с хранения, под которую у вас тут найдутся боеприпасы, могут поступить уже в ближайшее время. Советское государство – оно запасливое, никогда ничего не выбрасывает, а потом не знает, что со всеми этими запасами делать. Вот оседлает товарищ Брежнев Политбюро, натянет вожжи – тогда мы с ним и погоним Клячу Истории по неторному,

но самому правильному пути, начав с малого, то есть с поставок техники на ключевые участки фронта и постепенно расширяя эту помощь.

– Да, товарищ Сталин, – сказал Ильич Второй, – так и будет. Дайте только разобраться в текущей действительности, а то мой родной семьдесят шестой год отличается от того, где мне теперь жить, довольно существенно.

Я подумал и добавил:

– Вам, товарищ Сталин, тоже предстоит немалая организационная работа, ибо в своем нынешнем состоянии Красная Армия просто неспособна эффективно употребить эту помощь. Надо будет использовать оплаченный кровью опыт Основного Потока, опыт того мира, из которого происходит товарищ Брежнев, а также те дополнительные возможности, которые вам дает союз со мной. Не забывайте, что я имею возможность немедленно получать сведения обо всем, что происходит и на нашей, и на немецкой стороне фронта, так что для вас не будет неожиданностью ни подготовка очередного германского наступления, ни глупость и благодушие советских генералов. Все они у меня как на ладони.

– Ну, в таком случае, товарищ Серегин, возражения снимаются, – сказал лучший друг советских физкультурников.

И как раз в этот момент через приоткрытое по летнему времени окно до нас донесся звук молотящих по воздуху винтов проникшего в местное воздушное пространство вертолета. Как я понимаю, это к нам на переговоры прибыл пан Милевский. Весьма, надо сказать, вовремя.

Полчаса спустя, там же

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский

Генерал Милевский вошел в кабинет командующего, пожал мне руку и замер, будто пораженный заклинанием стасиса: прямо напротив него сидели и гоняли чай Иосиф Виссарионович Сталин и Леонид Ильич Брежнев – зрелище, невероятное для любого из миров Основного Потока. И вид у этих двоих при этом был такой, будто так и надо.

«Просто Леня», похохатывая, рассказывал советскому вождю разные курьезные случаи из своей прошлой жизни, в том числе о том, как у них один ухарь-майор из будущего во время ночного разгрома штаба семнадцатой германской армии начисто «потерял» генерала Гота.

– ... Ага, и не было того ни у нас, ни у немцев, ни среди живых, ни среди мертвых, вообще нигде сыскать не могли. А тот майор, с позывным «Слон», только пожимает плечами и оправдывается: «Бегали там разные в одном исподнем по огородам, ну когда мне их сортировать было, кто простой топтун, а кто генерал»...

А я подумал, не загремел ли часом генерал Гот впереди всех прочих тевтонов в мир Подвалов, в качестве одноразового любовника мадам Кибелы? И ведь не спросишь у богини: вопрос личный, даже интимный. Был, мол, генерал Гот, да сплыл, а есть очередная перворожденная дочь, которая, если посчитать на пальцах, вполне и сама уже может быть бабушкой.

Наконец большое начальство соизволило заметить новоприбывшего.

– Здравствуйте, товарищ Милевский, – доброжелательно поприветствовал его Виссарионович, – проходите и садитесь.

– Да, пан Мирослав, – подтвердил Ильич Второй, – проходите и садитесь. Поговорим о том, как нам жить дальше в связи с вновь открывшимися обстоятельствами.

– Здравствуйте, товарищи... – с сильным польским акцентом ответил генерал Милевский, – я, собственно, прибыл для разговора с паном Серегиним по поводу того, что он знает о будущем нашей Польши в двадцать первом веке...

– Так уж получилось, – пожал я плечами, – что разговаривать вам придется со всеми нами сразу. Меня, например, прямо сейчас больше всего интересует сиюминутный вопрос охраны вновь образовавшейся границы между мирами, а то в данный момент любой дурак на вертолете или легкомоторном самолете способен слетать туда и обратно. Необходимо как можно скорее

установить в Белостоке и его окрестностях бесполетную зону, так как любой несанкционированный посетитель останется тут навсегда – неважно, живым или мертвым. И это не обсуждается.

– Это само собой разумеется, – сказал наш гость, – соответствующий приказ мною уже отдан. Белостокский аэроклуб закрыт на неопределенный срок, летчикам пограничной вертолётной эскадрильи запрещено залетать на вашу сторону, а они люди ответственные. Только хотелось бы знать, каким образом мы будем договариваться о санкционированных визитах...

– Через Врата такие визиты совершаться больше не будут, этот был первым, и он же последний, – сказал я, доставая из кармана свой «портрет». – Для подобных вещей у меня имеются другие методы. Чтобы выйти со мной на связь, достаточно провести пальцем по изображению – и, если нужно, я открою к вам локальный проход. Одна нога здесь, а другая уже там. Тихо пришли, поговорили, так же тихо ушли, и никто не будет знать, где вы были...

Пан Мирослав посмотрел сначала на «портрет», потом на меня, и хрипло спросил:

– Кто же вы, черт возьми, такой на самом деле?

– Не поминайте имени нечистого всеу! – сказал я, подвыдернув меч из ножен, отчего с лезвия полыхнула магниевая вспышка. – Он от меня прячется, потому что рога и прочие висящие атрибуты ему дороже такой нематериальной вещи, как гордость. Да и нет у Князя Зла гордости, как и совести. Ради того, чтобы добиться своей цели он готов на любую подлость и любое унижение, и то же самое можно сказать и об одержимых им людях. Теперь ответ на ваш главный вопрос. Помимо изначального звания капитана Сил Специального Назначения ГРУ ГШ Вооруженных Сил Российской Федерации из две тысячи шестнадцатого года, у меня имеются и другие титулы и должности. Первый из них – бог-полководец священной русской оборонительной войны и Патрон воинского Единства, состоящего из людей, принесших мне страшную встречную клятву верности. Туда же можно отнести должности защитника земли русской и всего населяющего ее народа, а также иных православных славянских народов, сербов и болгар. Второй титул-должность – это младший архангел, Адепт Порядка и Бич Божий, предназначенный для наказания всяческих негодяев. Иных я бью до вразумления, а иных сразу насмерть, чтобы не было их нигде и никак. Третий мой титул и одновременно должность – это самовластный князь Великой Артании, государства Восточных славян, расположенного в Нижнем Поднепровье шестого века нашей эры. Как человек, избранный народом на царство, я обладаю легитимностью и по монархическим, и по демократическим понятиям, и потому, как выразился однажды Владимир Ульянов-Ленин, вхож в любой дом. Заключая договоры, я строго придерживаюсь их ровно до того момента, когда то же самое делает другая сторона, а в случае отказа от соглашения не стесняюсь решить вопрос при помощи грубой вооруженной силы. До тех пор, пока Польша является частью России или хотя бы находится с ней в союзе, поляки, как и все прочие российские или советские граждане, находятся под моей защитой. В противном случае, после того, как Польша станет России врагом, я не обещаю обитателям вашей земли ничего, кроме разрушения, смерти, горя и слез. Воевать с разъяренным Бичом Божиим – это удовольствие на любителя-мазохиста.

Генерал Милевский отступил на шаг и посмотрел куда-то поверх моей головы, где, судя по чесотке на темечке, засиял нимб, после чего непроизвольно перекрестился слева-направо и пробормотал короткую молитву. Энергооболочка тут же пояснила, что пан Мирослав воспитывался в религиозной семье провинциальных интеллигентов. В пятнадцать лет, когда немецкие оккупанты взяли в заложники и убили его родителей, остался круглым сиротой и прибил к просоветским партизанам. С момента освобождения территории Польши от германских войск, несмотря на молодость, стал сотрудником коммунистических служб безопасности и принимал участие в разгроме подразделений пробританского националистического подполья – так называемой «Армии Крайовой». Дело то было кровавое, и не жалели тогда ни своих, ни чужих, но юноша Мирослав выжил, возмужал и за тридцать лет дослужился

почти до вершины своей карьеры. Впереди у него – только должность министра внутренних дел, после чего отставка, совместившаяся с крахом дела всей его жизни, то есть Народной Польши. Но тут мы еще посмотрим, что и у кого разрушится и как закончат свои никчемные жизни Лех Валенса и братья Качиньские, а также бесчисленное количество их сподвижников. На войне как на войне, панове, а тираннозавры на африканском континенте в мире Содома всегда голодны.

– Значит, так, пан Мирослав, – сказал я, – мы знаем, что вы в своей партии представляете самое вменяемое политическое течение, удерживающееся между Сциллой красного национализма и Харибдой еврооппортунизма. И, как говорит мой Патрон, это хорошо, потому что, если ничего не предпринимать, то будущее Польши выглядит мрачным и печальным. Сначала оппортунисты, которые на фоне внешних трудностей возьмут вверх во внутрипартийной борьбе, капитулируют перед внутренней контрреволюцией и агентами иностранных разведок, а уже те, вернув к жизни европейскую гигиену времен Пилсудского, приведут вашу страну в ряды сателлитов Соединенных Штатов Америки и Великобритании. А англосаксам, привыкшим соблюдать только свои интересы, ваша страна нужна будет лишь с одной целью – сначала ограбить, лишив собственной промышленности, ориентированной преимущественно на поставки в Советский Союз, а потом сжечь остатки Польши дотла в войне на Восточном фронте, самим оставшись от этого дела в стороне. Случится это далеко не сразу, но в две тысячи шестнадцатом году перспектива такого исхода проглядывалась уже невооруженным взглядом. Очередной поход двенадцати языков на Восток был не за горами. Предотвратить такое развитие событий и можно, и нужно. И лучше всего, если мы будем это делать при содействии здоровых сил в самой Польше.

– Ээ, пан Серегин... – неуверенно произнес генерал Милевский, – неужели все так серьезно?

– Да, – подтвердил я, – дело такое, что серьезнее не бывает. Крупно проиграв советскому блоку во Вьетнаме, американцы задумали реванш на другом направлении и другими средствами. Не получилось победить вооруженной силой – значит, надо пустить в ход деньги и коварство. При этом ваша Польша выбрана ими как самое слабое звено, ибо в ее правящей партии с хрущевских времен глубже всего укрепился оппортунизм, а население частично лояльно не только собственному государству, но и внешней относительно него римской католической церкви. А это тот еще клубок антикоммунистических скорпионов и русофобских ехидн. Было дело, в мире четырнадцатого года я представил своему Патрону одного католического епископа, правда, австрийского, а не польского происхождения – так Творца от него чуть не стошнило, настолько тот был пропитан предубеждениями, спесивой гордыней и прочими смертными грехами. В дальнейшем Небесный Отче просил таких персонажей ему больше не показывать, а утилизировать установленным порядком прямо на месте. Вам в Польше даже иностранной шпионской сети не требуется, достаточно только ксендзов в костелах, читающих проповеди и принимающих исповедь. И служат они не Богу, а Папе Римскому, а через него – американской мамоне. Потом когда-нибудь эти люди поймут, во что вляпались, ибо Силам Зла нельзя служить немножко или понарошку, но будет уже поздно, потому что они уже сами надедут на шею ярмо. Старую истину о том, что если увяз один коготок, то пропадать всей птичке, еще никто не отменял. Впрочем, раньше ксендзов о своей уступчивости пожалеют ваши партийные оппортунисты, но и их будет никому не жалко.

– Да, это так, – подтвердил пришедший в себя пан Мирослав, – оппортунисты в партии и ксендзы – это две наши самые большие беды. Но что же нам делать?

– Относиться ко всему предельно серьезно, – ответил я. – Вопрос стоит так, что или мы ведем их в светлое будущее, или они ведут нас всех в ад. Третьего не дано. Поступиться малым, чтобы сохранить основное, не получится. Основная работа будет проходить в Москве, но и у вас все должно быть нормально. Если чего-то не хватает, например, продовольствия, то обра-

щайтесь напрямую к товарищу Брежневу. Лучше сократить продовольственную помощь разным странам Африки, чем ослабить позиции соцлагеря на ключевом, западном направлении.

– Да, – подтвердил мои слова Брежнев, – западное направление сейчас для нас действительно ключевое, так что обращайтесь, поможем. И с оппортунистами надо решать быстро и бесповоротно – сначала у нас в Москве, а потом и в других местах. Так что будьте готовы, товарищ Милевский, и к новой должности, и к связанной с ней ответственной работе.

– Как я понимаю, – сказал польский чекист, переводя взгляд с меня на Брежнева, потом на Сталина, – у нас тут намечается крутой сталинистский разворот?

– Да, намечается, товарищ Милевский, – подтвердил, расправив грудь, Ильич Второй, – и еще какой! Впрочем, это надо было сделать еще двенадцать лет назад. Ведь этот Хрущев, пес смердящий, облевал не только товарища Сталина, но и всю советскую идею всеобщей справедливости. Какая же может быть справедливость, если позору и поношению подвергли человека, который выстроил эту систему от начала и до конца по кирпичику, в должности Верховного Главнокомандующего выиграл самую главную в нашей истории войну с германским фашизмом, а потом направил Советский Союз по пути одной из двух сущих мировых сверхдержав? Сейчас наша задача – отбросить весь тот мусор, который натащили в наш дом мелочные и суетливые троцкисты и оппортунисты, а затем твердой рукой продолжить дело строителей справедливого общества и победителей германского фашизма. Нет в этом мире таких задач, которые были бы не по плечу настоящим большевикам. И страны народной демократии тоже будут в этом общем светлом будущем вместе с нами, все будут жить одинаково хорошо, как и завещал нам Великий Ленин.

Нет, все-таки, даже в этом Ильиче виден кондовый замполит, который ссылками на Маркса и Ленина обоснует все что угодно. Но это и к лучшему: теперь я уверен, что, освоившись в местной окружающей среде, он справится и со своим первым Политбюро, и с предсъездовским Пленумом ЦК, и с сами двадцать пятым Съездом, который, скорее всего, войдет в историю с эпитетом «Судьбоносный». Мне в таком плане остается только немного подрастить «поляну» и время от времени давать Ильичу методические советы, а со всем остальным он справится сам.

Кстати, товарищ Милевский воспринял выступление советского лидера как должное. Очевидно, до инсультов бывали случаи, когда товарищ Брежнев говорил вот так, экспромтом, а не по бумажке. Единственный вопрос, возникший у него – мол, почему молчит товарищ Сталин?

– А что мне тут говорить, товарищ Милевский, – ответил тот, – это ваш мир с товарищем Брежневым, и вам решать его судьбу, а я только могу смотреть на вас и учиться на ваших ошибках, чтобы не повторить их у себя. Вот и все. Другого мнения тут быть не может.

– И вот что еще, – сказал я, когда наш гость уже собирался уходить, – если в поле зрения вашей службы попадет мутящий воду оппозиционный деятель, то не надо бить его по голове тяжелым предметом, а потом ждать, пока сторонники найдут его труп и подымут скандал, очерняющий вашу власть. Вместо того вы выходите со мной на связь через «портрет», сливаете координаты смутьяна и умываете руки. После этого данный персонаж исчезает абсолютно бесследно, и совесть у вас остается чистой. У меня предостаточно мест для складирования отработанного человеческого материала без его предварительного умерщвления. Другие миры – они такие: иди ты оттуда хоть тысячи лет, все равно никуда не придешь. А вы тут своим будете объяснять: мол, убежал гад на Запад, и поймать нам его не удалось.

– Хорошо, пан Серегин, так мы и будем делать, – немного подумав, ответил мой польский гость и вышел.

– Ну вот и все, товарищи Генеральные секретари, это дело сделано, – сказал я, когда шаги генерала Милевского затихли в конце коридора. – А сейчас я официально приглашаю товарища

Сталина быть моим гостем в Тридесятom царстве, чтобы увидеть своими глазами и потрогать руками то, о чем ему прежде доводилось только читать в отчетах товарища Здорного.

Виссарионыч огладил усы и ответил:

– Я принимаю ваше предложение, товарищ Серегин. Говорят, что быть вашим гостем – это очень поучительное и познавательное занятие.

– А еще это полезно для здоровья, – добавил я. – Ну ладно, сейчас забираем товарища Громыко и отправляемся.

Восемьсот шестнадцатый день в мире Содома. Вечер. Заброшенный город в Высоком Лесу, Башня Силы

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский

В моем кабинете даже не совещание, а, скорее, круглый стол. С моей стороны, помимо меня самого, присутствуют два моих пажа-адъютанта, Дима-Колдун, неизменная Кобра, подполковник Седов, а также действующие замполиты танкового полка капитан Юрченко и старший лейтенант Антонов. Со стороны семьдесят шестого года – товарищи Брежнев, Громыко, Устинов и Чазов. Со стороны сорок первого года – товарищ Сталин. Я предложил пригласить Молотова с Шапошниковым, но лучший друг советских физкультурников ответил, что это преждевременно. На этом этапе он сам, как председатель Государственного Комитета Обороны, един во всех лицах.

Первым выступил Дима-Колдун – он коротко сообщил, что постоянные Врата, при наложении заклинания Мобилизации нечаянно проломленные нами из мира Иосифа Сталина в мир Леонида Брежнева, закрыть теперь никак не получится. Эти два верхних мира уже вступили между собой в контакт, срослись своими энергооболочками-ноосферами и превратились в тесную пару. Нет у нас, мол, под рукой такой мощности, чтобы разорвать связывающую их пуповину. Более того, временные порталы между этими двумя мирами не торопятся схлопываться при отключении энергетической накачки, а нуждаются в принудительном закрытии. Сейчас прогнозировать ничего нельзя, но при углублении процесса межмировой интеграции возможны самые неожиданные варианты...

– И что это для нас значит? – совершенно серьезно, как у взрослого, спросил у Колдуна Сталин.

Уж он-то своим Истинным Взглядом видел, что этот мальчик давно уже не только лишь мальчик, в то время как у младших членов делегации из семьдесят шестого года морды были кислые и скептические. Впрочем, сам Ильич Второй вел себя гораздо адекватнее своих приближенных: лица не кривил и слушал внимательно. Скорее всего, это сказала школа товарища Бережного, в силу чего он понимал, что у нас, Старших братьев, все до предела серьезно.

– Ваши миры, товарищ Сталин, – ответил тем временем Колдун, – теперь существуют не сами по себе, а составляют тесную пару, похожую на систему сообщающихся сосудов. Нет у вас теперь отдельных своих и чужих проблем, радостей и печалей, а вместо того они все общие. Да и люди вы друг другу тоже не чужие. Это только в плохой семье случаются конфликты отцов и детей, а в хорошей семье сыновья горой стоят за отца, а отец за сыновей.

– И что, такой случай в вашей практике уникален? – спросил советский Вождь.

– В нашей практике такое впервые, – сказал я, – но в общем этот случай совсем не уникален. Когда мы проводили операцию в Брестской крепости, боец Колдун обследовал ауру того места и обнаружил на ней тень, отброшенную ожесточенным встречным сражением, которое могло произойти только в результате образования такой тесной пары миров. С одной стороны, там был такой же, как у вас, мир сорок первого года, который сейчас уже ушел далеко вперед и вбок, с другой стороны – мир начала двадцать первого века, похожий на тот, из которого происходим мы сами. Нападение Германии там не было внезапным. Его ждали, к нему готовились, подтягивали войска, рыли окопы и ставили заграждения. А ровно в четыре часа утра двадцать

второго июня, в ответ на первые выстрелы с германской стороны, тихий до того восток взревел вдруг голосом тысяч артиллерийский орудий и сотен реактивных установок, и немецкая кровь рекой потекла по земле. И вместе с уроженцами того мира с врагом во встречном сражении схватились их внуки и правнуки. Это были жестокие, циничные, хорошо вооруженные по стандартам своего времени бойцы, которые всю жизнь мечтали попасть на эту войну – и вдруг оно сбылось. И было их так много, что боец Колдун сразу заподозрил, что это не случайная группа попаданцев-пропаданцев, а организованное вторжение через порталы регулярных армейских частей, на что способно только государство. Но самое главное – он не обнаружил там ни малейшего присутствия магии. Все было насквозь исконно-посконно и материалистично, потому что порталы между мирами открывали не архимаги, adeпты первозданных сил, демоны или младшие архангелы, а весьма несовершенные технические устройства, чей КПД, по мнению нашего главного специалиста в магических вопросах, не превышал двадцати процентов...

– А какой КПД у вас, товарищи волшебники? – с интересом спросил меня «просто Лёня».

– Наш КПД близок к ста процентам, – ответил я, – но при этом мы используем уже готовую магическую энергию, не занимаясь ее преобразованием из силы ветра, напора текущей воды, светового потока, жара извергающейся магмы или банального электричества. Механический генератор магии, обслуживающий этот дворец, собран на элементной базе цивилизации пятого уровня и имеет КПД порядка восьмидесяти процентов – примерно столько же, сколько и прыжковый генератор тяжелого истребителя, на основе конструкции которого он был создан.

– А меня, – сказал лучший друг советских физкультурников, – больше всего интересуют сами технические устройства для создания этих самых порталов. Неужели такое тоже возможно, без всяких, так сказать, дополнительных возможностей?

– Запертую дверь можно аккуратно открыть ключом или отмычкой, а можно высадить плечом или при помощи тарана, – пояснил Колдун. – Но в последнем случае никто не должен обижаться, если по стенам дома пойдут трещины, особенно если проем расширяют до таких размеров, чтобы через него мог пройти танк. Низкий КПД как раз и объясняется тем, что большая часть энергии Хаоса⁶, выделившейся в ходе процесса, расходуется не на создание прохода между мирами, а на размягчение и разрушение самой структуры Мироздания.

– И чем нам это грозит? – спросил Сталин.

– Вам – ничем, – ответил Колдун, – по крайней мере, пока. Между вашим миром и тем на линии Основного Потока находились еще два промежуточных мира, и все негативные последствия от такой бурной деятельности достались на их долю, а то, что докатилось до вас, может почувствовать только высокоранговый маг-исследователь вроде меня. Сергей Сергеевич, по поводу того мира, который посетил корабль Галактической империи, я обращался за консультацией к товарищу Лазареву и искину Бенедикту, и выяснил, что с большой долей вероятности это был легкий разведывательно-ударный крейсер «Полярный Лис», безвестно пропавший после выполнения боевого задания четверть века назад по их счету. Это серьезный инструмент в местной планетарной политике, но слишком слабое средство для противостояния всей цивилизации эйджел. Но мир Новой Галактической империи расположен ближе к нашему миру сорок первого года, чем к той двойной системе с техногенными порталами. Второй мир – тот, что находится ближе всего к эпицентру разрушительного воздействия мира рукотворных порталов – на середину июля сорок первого года находился еще в русле Основного Потока, но это только временное явление. Из-за отдаленности я чувствую этот мир не очень хорошо, но могу сказать, что сгустки энергии Хаоса накапливаются в его ауре-ноосфере довольно быстрыми темпами, так что прорыв ее внешней оболочки, вроде того, что мы имели здесь, там тоже не за горами.

– А как же мир, из которого турнули наших тевтонов? – спросил я.

⁶ В мире «Врат Войны» это явление называли Ку-полем.

– Тот мир должен предшествовать миру с рукотворными порталами, а не следовать за ним, – ответил Колдун. – Но непосредственно сейчас мы его тени не наблюдаем, потому что, как мы уже знаем, инвазия туда состоялась только в первых числах января сорок второго года. Больше ничего на эту тему я сказать не могу.

Я обвел сидящих за столом людей внимательным Истинным Взглядом и произнес:

– Думаю, этого достаточно. Еще Марк Аврелий сказал: «Делай что должно, и пусть случится что суждено». Вот и нам тоже необходимо решать проблемы по мере их поступления. Пара миров с рукотворными порталами очень интересна, но в данный момент недоступна, потому что, по мнению нашего Патрона, это преждевременно. Из текущих проблем сейчас меня больше всего интересует, чем Советский Союз из мира семьдесят шестого года, не ослабляя своей собственной обороноспособности, может помочь на первом этапе сражающейся в сорок первом году Красной Армии. Слово по этому вопросу имеет товарищ Устинов.

– Э-э-э, товарищи, – сказал Устинов, – первой на ум приходит артиллерия. На складах хранения имеются по несколько тысяч единиц 57-мм противотанковых пушек ЗиС-2, 76-мм пушек ЗиС-3, 85-мм пушек Д-44 и Д-48, 100-мм корпусных пушек БС-3, 122-мм гаубиц М-30, 152-мм гаубиц Д-1, а также 122 и 152-мм пушек-гаубиц А-19 и МЛ-20. Также на хранении имеются минометы калибров 82, 120 и 160 миллиметров. Точнее я смогу сказать после того, как на мобилизационных складах министерства обороны пройдет инвентаризация и я получу самые актуальные данные по поводу того, сколько из этих орудий еще годны в дело.

– В советских условиях, – жестко сказал я, – потребность в инвентаризации означает, что начальство не владеет вопросом даже в общих чертах. Должен заметить, что при товарище Сталине за такое расстреливали.

– Да, товарищ Серегин, – подтвердил Вождь, – расстреливали. И поделом. Я вижу, что за последние двадцать лет своей жизни товарищ Устинов научился работать самым правильным образом, когда он был готов дать нам ответ на любой интересующий вопрос в тот же момент. Если товарищ Устинов лучший кадр того времени, то каковы же тогда худшие?

– Лучше не спрашивайте, товарищ Сталин, – махнул я рукой, – чтобы убрать витающий там повсюду запах тления, нашему общему другу понадобятся просто нечеловеческие усилия.

– Но я не являюсь министром обороны, в сфере ответственности которого находятся склады мобхраниения, – возмущенно заявил Устинов, – я всего лишь секретарь ЦК по промышленности⁷. Своим вопросом я владею в достаточной мере, и могу сказать, что советские заводы работают с полным напряжением сил, и вряд смогут произвести хоть какую-нибудь сверхплановую продукцию...

– Если партия и правительство потребуют, – начальственным басом неожиданно рявкнул Дорогой Леонид Ильич, – то вы у меня будете работать в три смены, как в войну, и давать столько сверхплановой продукции, сколько будет нужно для сражающейся Красной Армии! Хоть государства у нас разные, но Родина, несмотря на это, все же одна на всех, и биться за нее следует самым настоящим образом – хоть в сорок первом, хоть в семьдесят шестом году, а не отговариваться объективными трудностями и всякими неприятными случайностями! Если чего-то нужного на складах нет, необходимо это нужное произвести и поставить Красной Армии. А то, понимаешь, расслабились, пока я болел, привыкли чувствовать себя главными жеребцами на конюшне. Ну ничего, я вас всех в трусах по подоконникам застрою и научу любить Родину самым настоящим образом!

Эта внезапная вспышка начальственного гнева ошеломила членов советской делегации из семьдесят шестого года, однако товарищ Сталин лишь усмехнулся в усы. Да уж, с таким Леонидом Брежневым дело иметь можно...

⁷ Третий человек в Секретариате ЦК, а значит, и во всей партии, после генерального секретаря Брежнева и секретаря по идеологии Суслова.

– В первую очередь, – сказал он, – Красная Армия сейчас нуждается в простой в управлении, надежной и мощной автомобильной и гусеничной технике, способной в плохих погодных условиях буксировать по бездорожью нашу тяжелую артиллерию, а также осуществлять другие транспортные потребности. Сами пушки тоже, конечно, лишними не будут, но средства буксировки важнее всего. Также на линии фронта остро требуются мобильные и простые в использовании средства противотанковой и противовоздушной обороны. Товарищ Серегин своими средствами изрядно подсократил германские танковые войска и авиацию, но, независимо от этого, Красная Армия должна иметь собственные средства для противостояния ударным элементам германской военной машины.

– Значит так, товарищ Устинов, – сказал я, – что касается противотанковой обороны, то, помимо пушек ЗиС-2 и ЗиС-3, пригодных для буксировки доступной гужевой тягой, на складах хранения в семьдесят шестом году должны иметься значительные запасы ручных противотанковых гранатометов РПГ-2. Там, у вас, бронепробиваемость в двести миллиметров при стометровой дальности – совсем ни о чем, а тут эти гранатометы поделаются ужасом панцерваффе. В качестве компактного и надежного средства ПВО, которое, если что, может пострелять и по танкам, можно взять «рогатку», сиречь ЗУ-23-2, использующую боеприпасы от авиационной пушки ВЯ. Можно передать Красной Армии и некоторое количество ПЗРК Стрела-2, да только массовым это оружие на поле боя быть не может. Также для формирования танковых бригад нового типа было бы не вредно передать некоторое количество все еще имеющих на хранении Т-34-85 и Т-44. Что касается авиации, то самолеты, в отличие от бронетехники и артиллерии, на хранении под открытым небом, увы, долго не живут. Весь послевоенный задел поршневой авиации, скорее всего, за тридцать лет полностью сгнил и ушел на слом. И, как мне подсказывают, из реактивных самолетов летчики сорок первого года относительно несложно смогут переучиться только на МиГ-15, МиГ-17 и Ил-28.

– Некоторое количество истребителей МиГ-17 и даже МиГ-15 в строевых частях еще имеется, – подтвердил Устинов, приободрившись. – Бомбардировщики Ил-28 сняты с вооружения и в основном используются в качестве натуральных мишеней при тренировках ракетчиков ПВО, в составе летных училищ и как буксировщики конусов при воздушных стрельбах. Тут, прежде чем говорить точно, тоже предварительно следует посчитать, что и откуда можно взять. Задачу мы поняли, и в недельный срок представим товарищу Брежневу сводную ведомость, какое устаревшее для нашего времени вооружение мы можем поставить Красной Армии в сорок первом году без ущерба для собственной боеспособности, с разбивкой на три категории, от первой (прямо сейчас в бой) до третьей (нуждается в заводском ремонте).

– Очень хорошо, Дмитрий Федорович, – кивнул «просто Лёня», – вот теперь я узнаю в вас прежнего товарища Устинова, который с легкостью брался за исполнение любого дела и не знал слова «невозможно». Но я хочу сказать еще об одном аспекте нашего взаимодействия с Советским Союзом сорок первого года. Среди солдат и офицеров строевых частей Красной Армии, а также среди военнослужащих запаса младших возрастов необходимо провести набор добровольцев, вроде того, какой товарищ Сталин делал для отправки контингентов на Гражданскую войну в Испании. Чует мое сердце, что тихо все это дело в итоге не кончится, и кадровый состав с боевым опытом Советской армии в наше время тоже не помещает.

– Что верно, то верно, – хмыкнула Кобра, – едва только до пиндосов дойдет слух о пришествии в ваш мир нашего Бати со всей королевской ратью, они, несмотря на поражение во Вьетнаме, забегают у себя в Вашингтоне ошпаренными тараканами. В связи со всеми этими сообщениями, я предложила бы перебазировать «Неумолимый» на то же место, но не в сорок первый, а в семьдесят шестой год...

– А мне кажется, Кобра, что такое решение преждевременно, – сказал я. – Ведь хочется же там, в мире семьдесят шестого года, проделать все тихо и незаметно, будто все случилось как бы само собой. И ветра не было, а Америка загнулась, и разогнуться никак

не может. Но в то же время я не могу и не признать правоту товарища Брежнева. Костяк бойцов и командиров с боевым опытом не повредит ни одной армии, а таких людей в связи со старением ветеранов в рядах Советской армии к настоящему моменту почти не осталось. Из этого и будем исходить на начальном этапе операции.

– А у меня вот какой вопрос, – произнес Громыко. – Как я понимаю, товарищ Суслов к исполнению своих обязанностей больше не вернется. Так кто же теперь будет заведовать всей советской идеологией и председательствовать на Секретариате ЦК в случае отсутствия товарища Брежнева?

– Вы и будете, – ответил я, – как член ЦК Партии с дореволюционным стажем, вношу предложение о назначении товарища Громыко на должность секретаря ЦК по идеологии. Я знаю, что этот человек так неуступчив в переговорах с нашими западными партнерами потому, что в такие моменты он слышит в ушах бесплотный голос погибших на войне бойцов и командиров: «Не отдавай это им, Андрей Андреевич, ведь оно не твое, а наше, оплаченное кровью и самой жизнью!». Я считаю, что в настоящий момент это свойство – главное для нашего идеолога, а там мы с Леонидом Ильичом и Иосифом Виссарионовичем разберемся с сутью вопроса и дадим стране тот самый единственно верный идеологический рецепт. А если не справимся мы, то на помощь придут два товарища Ленина и все-таки решат вопрос с социалистическим светлым будущим.

– Согласен, – кивнул Брежнев, – товарищ Громыко будет гораздо лучшим секретарем по идеологии, чем эта козявка Суслов. А сейчас я предлагаю закрыть наше совещание и обратиться непосредственно к практическим вопросам. В первую очередь, нам необходим проект межгосударственного договора между двумя Советскими Союзами, чтобы мне было что представить во время заседания Политбюро в понедельник. Поэтому, товарищ Сталин, нам необходим ваш нарком иностранных дел товарищ Молотов, чтобы они с товарищем Громыко могли сесть и составить документ, на основании которого и будет вестись наше дальнейшее взаимодействие.

– Есть мнение, – кивнул Сталин, – что товарищ Брежнев прав. Настало время переходить от слов к делу – сначала в области дипломатии, а потом и на всех остальных направлениях. Как говорят в таких случаях господа монархи, быть по сему!

22 декабря 1606 года, раннее утро, Крым, Ахтиарская бухта, линкор планетарного подавления «Неумолимый», императорские апартаменты

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский

Отправив Устинова выполнять поставленную начальством задачу и соединив в одном флаконе Громыко и Молотова, я махнул на все рукой и пригласил своих высокопоставленных гостей Брежнева и Сталина посетить «Неумолимый» – мою главную ударную силу и ценную подвижность во всех сущих мирах. При этом я заранее предупредил, что на борту этого корабля (и только там) я не только самовластный князь Великой Артании, но и император Четвертой Русской Галактической империи. Ну что поделаться, если псевдоличностям хочется считать меня не только своим военным вождем, но и господином.

И если Брежнев в нашем прошлом в заграничные поездки ездил неоднократно и с удовольствием, то Сталин за пределы СССР выбирался только в сорок третьем году на конференцию в Тегеране (поездка в Потсдам после войны не в счет). Но и он тоже согласился, ибо Истинный Взгляд подсказал этому сверхподозрительному человеку, что мое приглашение преследует только одну цель – обозначить верхнюю границу моих возможностей. Да и учиться чему-то новому товарищ Сталин любит. Ну и космический линкор изготовленный цивилизация пятого уровня сам по себе тот еще музейный экспонат... Только перед отправлением советский вождь спросил, была ли та цивилизация социалистической.

Пришлось ответить, что Неоримская империя была жестокой классовой тиранией и социалистической ее назвать никак нельзя, ибо этот тип государства способен создать и развить только русский народ, а он в том историческом потоке отсутствовал. Однако мой соотечественник и почти современник, которому Отец Небесный вручил такой же линкор новеньким, «в масле», прямо с верфи, с его помощью выстроил среди звезд вполне социалистическую, лишь слегка замаскированную феодальной фразеологией, Русскую Галактическую Империю. Осколок это межзвездной державы, в виде дальнего транспорта снабжения «Новый Тобол», можно пощупать руками в дружественной Аквилонии.

Но сейчас нам туда не надо – это после. Учиться правильно строить государство, многообразное в обществе культуры, но пронизанное единой политической вертикалью и доминантой социальной справедливости, предстоит после того, как удастся не только остановить продвижение германских захватчиков вглубь СССР, но и собственными силами повести войну на перелом, обернув ее вспять. И вот тогда на волне победной эйфории придет время доделывать недоделанное и переделывать то, что было сделано плохо или неправильно. А пока все успехи на фронтах достигнуты не усилиями Красной Армии, а моими жестокими ударами ломом по немецким рукам. Тщательнее надо, ибо задачи создать из нынешних бойцов и командиров РККА будущих солдат-победителей с нас никто не снимал.

Потом я немного подумал, и прямо перед отправлением в своем кабинете наложил на Леонида Ильича закрепленное заклинание Истинного Взгляда. Так-то это нужно было сделать гораздо раньше, но во всей этой мешанине событий я засуетился и упустил из виду тот момент, когда Ильич Второй из темной лошадки превратился в перспективного союзника. А может, это желание возникло у меня только после того, как обновленная инкарнация Брежнева чуть ли не матом наорала на Устинова, когда тот попытался отмазаться от важного правительственного задания? Ну не люблю я чиновных отписок и хамства, ни в каком виде не люблю. Пришлось немного подзадержаться и объяснить пациенту, что я хочу сделать и для чего. Виссарионыч тут же подтвердил, что процедура эта вполне безболезненная, не отнимающая много времени, и к тому же очень полезная в политических целях.

Много времени это и в самом деле не отняло (объяснения длились гораздо дольше), и вот мы втроем шагаем из моего кабинета к флаеру, уже ожидающему на берегу Черной реки. В мире Смуты сейчас самый конец декабря, с моря дует промозглый ветер, так что я и мои гости прикинуты в теплые камуфлированные полушубки, пошитые по моим заказам в мастерских великой Артании. Впрочем, терпеть холод, ветер и промозглую сырость, пришлось недолго, только несколько десятков секунд, пока мы после выхода из портала забирались в прозрачное, как стеклянный стакан, теплое чрево флаера. Волчица на пилотском месте, страшно ослабившись, отдала нам честь, после чего потянула на себя ручку управления – и мы полетели над темными водами Ахтиарской бухты в сторону обозначенной тусклыми габаритными огнями громады «Неумолимого». Когда мы, приблизившись, сделали круг почета над этим убийцей планет, чьи громоздкие контуры угадывались Истинным Взглядом далеко в глубине вод, Брежнев даже выругался – длинно и замысловато. Такого в своей жизни – ни прошлой, ни нынешней, он еще не видел.

Потом, правильно ответив на все запросы системы ближней самообороны и снизившись к самой воде, флаер влетел в ярко освещенный ангар, предназначенный для дипломатических целей. А там уже была готова мизансцена для встречи. Когда мне намекнули, что придется «решать вопросы» в своем собственном мире, гигантский герб на стене снова изменил свой вид – на этот раз, надеюсь, окончательно. Двуглавый орел у меня теперь золотой на ярком фоне, а между его голов – там, где на гербе Российской империи была изображена большая корона – сияет лучами багровая пятиконечная звезда. Клювы голов раскрыты в яростном крике, а лапы сжимают не скипетр и державу, а щит и меч.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.